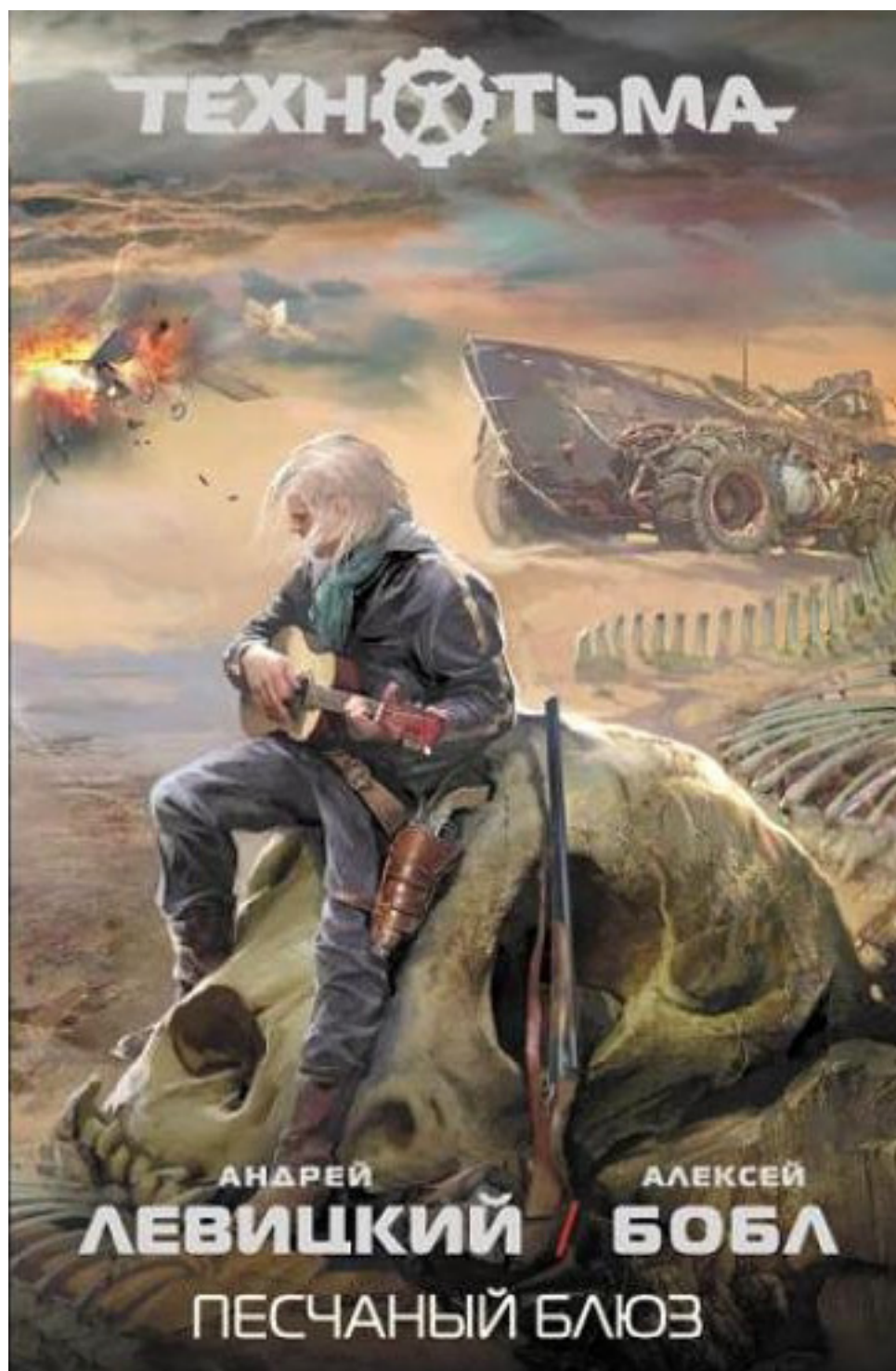

ТЕХНОТЪМА

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ / АЛЕКСЕЙ БОБЛ
ПЕСЧАНЫЙ БЛЮЗ

Технотьма

Андрей Левицкий

Песчаный блюз

«Magic Dome Books»

2010

Левицкий А. Ю.

Песчаный блюз / А. Ю. Левицкий — «Magic Dome Books»,
2010 — (Технотьма)

ISBN 978-5-17-070455-2

Я – доставщик. На своем сендере я вожу грузы по великой Пустоши между Москвой и Киевом. Меня нанимают фермеры, нефтяники-старатели, торговцы, оружейники. Я попадал во множество переделок, я дрался с бандитами и уходил от преследования наемников. У меня есть принцип: груз всегда попадает по назначению. Но сейчас я впервые нарушу его. Потому что мой груз смертелен. Мой заказчик действует против меня. А мои враги – самые опасные люди Пустоши.

ISBN 978-5-17-070455-2

© Левицкий А. Ю., 2010
© Magic Dome Books, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Левицкий, Алексей Бобл

Песчаный блюз

Авторы благодарят Виктора Ночкина и Артема Белоглазова за талантливую поэзию, первого – за стихотворение про ветер и бродягу, а второго – за песенку про киборга.

Часть первая

Этот жестокий мир

Глава 1

Попытка грабежа среди бела дня

В жизни стоит делать только то, что тебе интересно, доставляет удовольствие или приносит деньги.

Хорошо, когда два из этих условий соблюдены. Ну а если все три... что ж, значит, ты счастливчик.

Я именно такой. То есть я – доставщик, а еще сочиняю песни. Мне интересно ездить по всяким местам; я получаю удовольствие, бряцая по струнам и бормоча стишки собственного сочинения, ну и неплохо зарабатываю на всем этом. Казалось бы, что еще надо мужчине для счастья?

Да ничего. Я вполне счастлив. Во всяком случае, чувствовал себя таковым, когда сквозь шум двигателей донеслось:

– Музыкант! Эй, тормози!

Поправив свой франтоватый бледно-зеленый шейный платок, я повернул голову – где-то за кормой «Зеба» приглушенно рокотала мотоциклетка.

Рокот сместился к правому борту. Кого там принесла нелегкая? Пришлось откладывать гитару, вылезать из кресла-качалки, стоящего посреди палубы, и доставать трехлинейку из чехла за спинкой.

Барханы раскинулись вокруг во всем своем песчаном однообразии. Караван, с которым мы недавно расстались на развилке у ржавого указателя с надписью «МОСКВА. 500 км», упылил к Мурому.

– Музыкант!

Шагнув к правому борту, я положил ружье на плечо.

– Да стой ты наконец! – крикнул Чика, привстав на заднем сиденье мотоциклетки.

Трехколесной машиной управлял Скорп, бородатый детина с толстым белым шрамом на брюхе. Куртки с рубахами Скорп не признавал, носил только шаровары. Волосатую грудь стягивали патронные ленты, на лице очки с выпуклыми стеклами, кожаный шлем на голове. Шлем этот он никогда не снимает, я, во всяком случае, не видел. Напарник Бочки по имени Чика совсем не такой. Прыщавый юнец, одетый в поношенную куртку с чужого плеча, на голове вместо шляпы плетеное донышко от корзины, подвязанное лентой. Увидев меня, он замахал рукой. Чика старался во всем подражать Скорпу, отчего выглядел забавно – не было в нем и грамма суровой невозмутимости напарника.

Похоже, они давно за мной тарахтят, оба сажи наелись, у меня ведь двигатели врублены почти на полную. Бандитов из этих мест повыбивали, но береженого, как говорится, и пан-

цирный волк бережет. После развилки, где я откололся от машин Берии, шел участок неплохо сохранившейся дороги, для каравана узковатый, а одинокому транспорту в самый раз. Так бы мотоциклетка меня давно обогнала.

– Чего вопишь? – спросил я.

– Ос... танови, – Чика закашлялся. – Бер... Берия забыл...

Скорп сбросил газ и дернул гашетку тормоза. Машина вильнула, задрезжалось крыло над передним колесом. Чика ткнулся лицом в широкую спину водителя.

«Зеб Шилликот» – шестиколесный сендер с острым носом, широкой кормой и дощатой палубой. Борта покрыты листами жести, надстройки деревянные. Трюм в носовой части, сзади два двигателя, бензобак и система управления.

Я глянул вперед и кинулся в рубку на корме. Еще немного, и самоход бы зацепил правыми колесами склон крутого бархана. Штурвал-то на стопоре, а потрескавшийся асфальт кончился, теперь надо быть внимательней.

Повесив ружье на крюк, уселся в высокое вращающееся кресло и потянул на себя рычаги. Двигатели взвыли – скорость упала, – потом звук стал низким и ровным. Какое-то время я слушал, как работает правый дизель, там ремень генератора пора менять, и аккумулятор уже староват... Ладно, вроде порядок. Нашупал под креслом ручку пневмотормоза, дернул – самоход встал.

Чика, не дожидаясь приглашения, забрался на борт, что вообще-то не принято. У нас, у доставщиков, так говорят: «Моя машина – моя крепость». Но молодой правила еще плохо знает.

– Ну, чего тебе? – Я вышел из рубки.

– Берия просил в Рязань завести.

Он протянул небольшую котомку.

– Почта? А больше он ничего не передал?

– Передал, передал, а как же! – Чика достал из нагрудного кармана две медные монеты.

– Что ж так мало?

– Ну, Музыкант, я тут при чем? Сам у Берии потом спросишь...

Я взял деньги. Ладно, мне еще с ним и в Москву, и в Киев ездить. Он приличный караванный старшина, бывают и похуже типы, а с Берией дело иметь можно, он всех знает, со всеми на короткой ноге. Нравы и порядки в городах и поселках Пустоши разные, на каждом рынке свои правила. И доставщикам-одиночкам вроде меня связи среди тех, кто караваны сколачивает, нужны.

– Ладно, отвезу. В кнайпе отдать при гостинице?

Чика кивнул и перекинул ногу через борт.

– Бармену, да. К нему все за почтой приходят.

– Передай Берии, чтоб в Муроме прикупил мне аккумулятор для пускового движка. Он знает какой. В лавке у Потапа есть.

– Ага! – закивал юный доставщик и уже собрался прыгнуть на песок, но я поймал его за плечо.

– Не перепутай, Чика. У Потапа, именно у него, а не у Федора Самарца. Повтори!

– В лавке у Потапа. В Муроме. Аккумулятор, – с готовностью отбарабанил он.

– Для пускового движка.

– Для пускового движка. Я запомнил, пусти, мы спешим, а то караван далеко уедет.

– Ладно, ежайте.

Я кивнул сидящему на мотоциклетке Скорпу, тот в ответ стукнул себя кулаком в грудь. Чика уселся позади него, двигатель мотоциклетки зарокотал, я же вернулся в рубку, бросил котомку на пол и сдвинул рычаг. Надо к вечеру в Рязань успеть, а мне ехать еще далеко.

Когда двигатель завелся, прислушался – некроз его разберет, что-то там еще фырчит помимо ремня. Ладно, позже налажу. Отщелкнув стопор со штурвала, вывернул колеса и хлопнул ладонью по рукоятке пневмотормоза. Самоход дернулся и покатил между барханами.

Взяв за ориентир самый высокий холм, маячивший далеко впереди, я выровнял машину, зафиксировал штурвал и снял с крючка ремень трехлинейки. Вернувшись в кресло-качалку, сунул ружье в чехол, сел и поднял гитару с палубы. Взял губную гармошку, висящую на груди на свитом из разноцветных нитей шнурке, пару раз дунул в нее, прикрыл глаза и коснулся пальцами струн.

* * *

Бродит ветер по пустыне,
Посреди больших песков,
Под песком лежат руины
Позабывших городов.

Я пустынный и бродяга,
С ветром бродим мы вдвоем,
Сочиняем песни вместе.
На два голоса поем.

Я как раз закончил рифмовать и не спеша перебирал струны, бормоча куплеты, когда слева по курсу появился «тевтонек». На верхушке телескопической мачты трепыхался флаг с изображением распятого мутанта, на станине позади водителя стоял пулемет. Корпус «тевтонца» выкрашен черным, человек за баранкой облачен в просторную черную одежду... Ясно, что это монах, патрульный Ордена. Непонятно только, почему он в машине один, служители Ордена Чистоты всегда передвигаются по двое-трое.

Ну вот, пожалуйста – патруль! Что они делают в северо-восточной Пустоши? До Москвы далеко, до Киева еще дальше... Земли вокруг Рязани не входят в зону влияния ни одного Храма, так с чего бы тут шастать патрулям? Разве что произошло нечто важное, что привлекло внимание Ордена к этому району, – хотя и тогда они скорее бы прислали жрецов-карателей, а не обычных монахов.

Но делать нечего, с этой братией не шутят, да и не испытываю я к ним особой неприязни. Должен же кто-то отстреливать мутафогов, чтоб не расплодились по всей Пустоши.

Пришлось отложить гитару и встать. Надев свою желтую шляпу и затянув шнурок на подбородке, чтоб не сдуло ветром, я пошел в рубку. Ветер трепал бахрому моих широких кожаных штанов, шевелил поля шляпы.

Мелодия все еще звучала в голове, вслушиваясь в ее переливы, я прикидывал, сколько «Банда четырех» заплатит за эту песенку, и потому недостаточно четко воспринимал окружающее. А то бы насторожился. Какой-то занюханный вид был у этого «тевтонца»...

Машина спускалась по длинному пологому склону наискось к курсу моего самохода. Двигатель там наверняка послабее пары дизелей, что рокочут под палубой, но зато «тевтонек» куда легче. Просто каркас из сваренных труб, с мачтой, сиденьем и бензобаком. Разве что многоствольный «гатлинг» добавляет весу. К слову, пулемет без электропривода, чтобы открыть огонь, надо вращать рукоять – ну и зачем, спрашивается, этот малый уселся в сендер один? Ствольный блок «гатлинга» торчит над его головой, стрелять и одновременно рулить монах не сможет. Но никого другого в машине не видно.

Водитель привстал, махнул мне рукой: тормози, мол. Ладно, торможу, служивый, не напрягайся так, еще ряса на заднице лопнет. Я чувствовал себя уверенно: никаких незаконных товаров в трюме «Зеба» нет, лишь ящики с яйцами водяной курочки, которые я вез в Рязань с фермы Ротника, да сумка с почтой от Берии. Монахи вообще не должны останавливать меня в этом районе, они здесь не хозяева, но я не хотел портить отношения с Орденом и потому, зайдя в рубку, сдвинул рычаги. Стрелка тяги перескочила на ноль, я потянул ручку пневмотормоза под сиденьем, пшикнул сжатый воздух в цилиндрах, скрежетнули колодки, и самоход встал.

Я поправил шляпу, шевеля губами, все еще погруженный в песню, прикидывая, подойдет ли этот текст «Банде» или придется переделывать, шагнул наружу, – и тут вой двигателей огласил барханы.

В одно мгновение музыкальный туман из головы как ветром сдуло. Я подскочил, увидев, что справа из-за холма вынесся еще один сендер, а сзади появился третий. И это не «тевтонцы» Ордена, но тачки с заостренными носами – такими предпочитают пользоваться кетчеры, то есть бандиты Пустоши.

Позади монаха (хотя теперь-то стало ясно, что никакой он не монах) из-под тряпья, сваленного кучей у пулеметной станины, высунулся человек.

Этот был не в черной полурысе и брюках-галифе – они не раздобыли второго комплекта одежды, а то бы напарник водителя мог сразу встать за пулеметом, изображая еще одного монаха.

Я прыгнул обратно в рубку и навалился на рычаги – от рева двигателя заложило уши. Только бы радиатор не взорвался! Нагнувшись, сбил торчащую вертикально рукоять пневмотормоза, вдавил педаль.

Заскрипел песок под колесами, и «Зеб» покатил вперед, тяжело набирая ход. Сквозь запыленное стекло рубки было видно, что по курсу лишь пологие всхолмления, никаких крутых склонов, так что я зафиксировал штурвал и выбежал наружу. Сендеры приближались с трех сторон, стволы пулемета на машине слева уже вращались – выпрямившийся позади станины человек вовсю крутил рукоять.

Сквозь рокот моторов донесся громоподобный выстрел штуцера, но визга пули я не услышал, она ушла далеко в сторону. Ветер отнес дымное облачко от машины, догоняющей справа. Там сидели двое кетчеров, а в той, что ехала сзади – один. Хорошо, что на других тачках не было пулеметов.

Когда я побежал к носовой части самохода, загрохотал «гатлинг».

На бегу кинул взгляд через ограждение. Стволы вращались быстро, тот, что оказывался вверху, выплевывал короткий язык огня. Пули застучали по борту «Зеба». Я упал, едва не перевернув кресло и заехав локтем по корпусу гитары. Схватив ружье, встал на колени. Длинный ствол описал дугу, в прицеле возникла голова человека за пулеметом. Палец вдавил спусковой крючок.

Я скорее стрелок, чем кулачный боец. Драться приходится не так уж и часто, а если все же без этого не обойтись, предпочитаю использовать вспомогательные инструменты вроде раскладной дубинки, цепи с грузилом на конце, да хотя бы обычной палкой. Пальцы у меня тонкие и длинные, ими хорошо перебирать струны или держать губную гармошку, но для кулачного боя они не слишком подходят. А вот на курок такими пальцами нажимать – самое оно, да и с глазомером порядок. Иногда, если денег хватает, я беру оплату за очередную доставку не наличными, а патронами к трехлинейке или «шершням», и долгими солнечными днями, пока «Зеб» ползет между барханами, тренируюсь, стреляя по белушам, гиенам-хохотуньям, пылевым суркам и ползунам, выбравшимся из своих холмевейников.

В общем, хотя самоход дергался, и пейзаж качался перед глазами, пуля угодила бандиту в плечо. Трехлинейная винтовка – это тебе не маленький двуствольный «шершень», у нее и

дальность боя выше, и кучность она дает приличную. Бандита отбросило назад, он исчез из виду за станиной пулемета, который покрутился еще немного и смолк.

Я передернул затвор и повел стволом, выцеливая водителя. За спиной сквозь нарастающий рев мотора сухо кашлянул бандитский револьвер. Пуля едва не сбила шляпу с головы, шнурок впился в горло. Упав на бок, я перекатился, встал на одно колено и вскинув трехлинейку, – все это одним длинным плавным движением – выстрелил.

Сендер вильнул, достигнув конца склона, и пуля пролетела мимо цели. Только я попытался прицелиться снова, как на палубу что-то со стуком упало. С разворота пальнув в сендер за правым бортом, увидел, как мимо катится динамитная шашка, бросил ружье и прыгнул за ней.

Огонек на конце фитиля громко шипел, плюясь искрами. Я почти схватил шашку, когда самоход накренился, и она покатилась под кресло-качалку. С перекошенным лицом рванулся следом, опрокинул кресло, потянув лодыжку – и в падении подхватил желто-коричневый цилиндр с искрящим фитилем на конце. Фитиль уже прогорел. Я отшвырнул шашку назад. Перелетев через крышу рубки, она взорвалась в воздухе прямо за кормой «Зеба».

Последствия оказались неудачны как для меня, так и для преследователей. Выхлопную трубу самохода разорвало, и наружу повалил черный дым. Он ослепил водителя машины, несшейся прямо позади. Кетчер навалился на руль, чтобы не столкнуться с «Зебом», тачку повело вбок, она подскочила на песчаном горбе, как на трамплине, и упала на «тевонец». Я к тому времени уже хромал к рубке. Оказавшись в ней, отжал фиксатор на рулевой колонке и крутанул штурвал. Ясное дело, я был в тот момент несколько взбудоражен, потому сделал это с излишней резкостью. «Зеб» дернуло так, что я едва не вылетел из рубки через распахнутую дверь. Зашипели колеса, самоход накренился, за ограждением качнулось желтое песчаное море. По нему несся третий сендер, тот, с которого бросили шашку.

Когда «Зеб» повернул, две машины рывком сблизилась. Тактику кетчеров я знаю: они собирались двигаться параллельным курсом под высоким бортом самохода, зашвырнуть сюда несколько абордажных крюков и забраться на палубу.

Но ничего не вышло, мы столкнулись.

Бандитские сендеры приземистые и легкие. Они оснащены раздвижными мачтами с парусами, то есть способны передвигаться под действием ветра. А мой «Зеб» – настоящий самоход-торговец, с вместительным трюмом и широкой палубой. Это переделанная круизная яхта, я слышал, раньше такие плавали по морям, хотя никогда не видел тех морей. Теперь у яхты шесть колес и пара двигателей, но нет ни мачты, ни такелажа. Восседая на палубе в любимом кресле-качалке, я взираю на окружающих свысока – в прямом смысле слова. Да и весит торговец в несколько раз больше обычного сендера, рассчитанного на экипаж из двух-трех человек.

В общем, столкновения как такового не получилось, вернее, оно вышло несколько однобоким: сначала сендер почти затянуло под днище «Зеба», потом едва не раздавило задней парой колес, а после вышвырнуло обратно, как пробку из бутылки забродившего пива. Самоход сильно качнулся, я покатился по палубе, врезался плечом в ограждение и вскочил.

Бандитские тачки остались позади. Те, что столкнулись, напоминали груды металлолома, третья перевернулась на бок. Из-под нее на четвереньках выбрался человек и встал, шатаясь. Почему-то он не попытался выстрелить – достал бинокль и принялся глядеть мне вслед. Я плюнул в его сторону, и потом вершина холма скрыла бандитов от взгляда.

Глава 2

Неприятности в Рязани

Двигатель то принимался жалобно урчать, то взрыкивал, как подстреленный мутафаг, из самохода валил дым. Гитара разбита и восстановлению не подлежит. Упаковка с остатками пива свалилась за борт. Настроение испорчено.

Рязань – городишко старателей, грязный и буйный. Всякие неудачники, рыщущие по Пустоши в поисках нефти, сходятся сюда, чтоб отдохнуть, выпить и подцепить девку в кнайпе при единственной гостинице. Говорят, раньше в этих местах никакой нефти отродясь не было, но после Погибели какие-то там пласты сдвинулись – один умник из Москвы мне объяснял, называл их «тектонические», – вот она и появилась. Больше всего ее в окрестностях Москвы, тамошние кланы даже именуют топливными. Они держат скважины, небольшие перерабатывающие заводишки и торгуют бензином да соляровкой по всей Пустоши. А еще по ней бродят их диверсионные отряды, которые уничтожают скважины, найденные за пределами Московии, взрывают оборудование и убивают старателей. Ясно, что это не способствует доброму нраву последних.

Еще толкуют, что до Погибели это был большой красивый город, да только теперь от былой красоты осталась только свалка древних машин и указатель улицы, на которой эта свалка находилась в давние времена: «УЛИЦА БУТЫРКА». Ржавые остовы автомобилей местные используют для строительства, в некоторых живут бродяги. Хотя большую часть машин теперь растаскали, еще целая куча их громоздится на окраине городка.

В Рязань я попал затемно. Тяжело пыхтя, «Зеб» проехал по широкой улице, одной из трех, что лучами звезды сходились к площади – культурному и деловому центру города. Культуры тут хоть отбавляй: пьяницы, покосившиеся заборы с черепами мутафагов на столбах, втоптаные в грязь тяжелыми сапогами старателей бутылки, спящие под телегами бродяги да кучки навоза ящеров-манисов.

Вроде бы до Погибели это был крупный город, людей здесь жило немерено, улицы освещали электрические фонари, высились многоэтажные здания... Куски кирпичной кладки и бетонных плит до сих пор можно найти в песке.

В стоящих по всей площади цистернах с продавленными боками горел огонь. Я повернул к распахнутым воротам сбоку от трехэтажного здания гостиницы «Злой киборг». Это здание самое большое здесь, остальные постройки Рязани – бревенчатые двухэтажные домишки или сбитые из жести и фанеры одноэтажные развалюхи.

Сторожа пропустили меня, и я завел самоход в машинный двор, раскинувшийся между железной оградой, боковой стеной «Злого киборга» и рядом гаражей. На привязи под увитым плющом-колючкой забором спали ездые ящеры. Из окон гостиницы лился свет, по двору ходили люди, в основном работники «Злого киборга» и механики из гаражей.

«Зеб» едва полз, бедняга. Двигатели тарахтели, в недрах машины звенели какие-то шестерни и клапаны, оттуда шел запах гари. В порыве чувств я даже похлопал самоход по поручню и пробормотал что-то насчет того, что обязательно вылечу, то есть починю его. Хотелось спать, на ум, как обычно при сильной усталости, лезли какие-то странные обрывочные мелодии, я даже не пытался достать гармошку, чтобы озвучить и запомнить их.

Миновав обширную маслянистую лужу, подрулил к большому гаражу-мастерской. У стены лежали песчаные мотороллеры, разобранный сендер висел на растяжках между столбами с кран-балками, под ним стоял Захарий и ковырялся в днище. Трое механиков обступили заляпанный смазкой стол в углу мастерской.

Захарий не обратил на меня внимания, а они оглянулись, когда «Зеб» медленно вкатил внутрь. Высокий седой Арсен махнул рукой. Я остановил самоход посреди гаража, заглушив

двигатели, сбросил шляпу на сиденье, спустился по лесенке и пошел к ним. К стене болтами было прикручено тусклое кривое зеркало в человеческий рост, проходя мимо, я скользнул по нему взглядом. Шляпа осталась в рубке, и невымытые много дней черные как смоль волосы сосульками рассыпались по плечам.

На столе стояли миски с кукурузными лепешками и вяленным лисьим мясом, блюдец соевого соуса, жбан с водой, стаканы и бутылка настойки. Горкой лежали вареные початки карликовой кукурузы.

– Че смурной такой? – спросил Арсен. Трое других механиков молча глядели на меня, равномерно работая челюстями. Двоих я знал – Карлов и Леш, третий был новичком.

Вытирая руки тряпкой, подошел Захарий, старший в бригаде. Глянул на «Зеба», на меня и налил полстакана водки, настоящей на бруснике-огневке. Я молча взял стакан и вылил пойло в рот. Вытащил из горки початок размером с указательный палец, понюхал и положил на стол.

– Ну и как оно было? – спросил Арсен.

– Уже на подходе к городу, – сказал я. – Не надо было от каравана отваливать. Но машины Берии в Рязань не шли, а мне сюда надо было. Думал, пару верст всего... И началось.

– Кто?

– Да мутант их знает. Пятеро, на трех сендерах. Причем двое на «тевтонце» и с пулеметом.

– С «гатлингом»?! – крикнул Леш.

– Ага. Не знаю, где тачку раздобыли и такой ствол... стволы, вернее.

Леш почесал затылок.

– Че-то странное в округе последнее время происходит, а? – Он оглядел нас. – Грабят много...

– Всегда грабили, – возразил Захарий.

– Ну да, но теперь... да вон же, недавно даже на караван московского Храма налетели! Не, навряде появился кто-то новый, засел где-то неподалеку... – Он покачал головой. – Как же ты отбился, Музыкант?

– Да вот так как-то... – пробормотал я устало. – Пострелять пришлось. «Зебу» теперь большой ремонт нужен. А гитара моя старая у вас осталась?

– Там лежит. – Карлов, махнув рукой на шкаф под стеной, взялся за бутылку. – Еще выпьешь?

Я покачал головой.

– У него теперь дел куча, – сказал Захарий и зашагал к самоходу. – Ладно, пошли глянем.

Тут в гараж вошел Миха, управляющий гостиницей и, по совместительству, младший брат Христы Ротника, владельца этой гостиницы, а еще самой крупной фермы в округе, а также этих гаражей, этого двора и половины Рязани. С продуктами тут напряженка, снабжают ими городок в основном братья Ротники, для чего между их фермой и городом курсируют три грузовика. Понятия не имею, почему в этот раз он нанял для перевозки куриных яиц меня. Может, все его машины были заняты.

– Так! – сказал Миха, толстый коротышка в клетчатой жилетке с часовой цепочкой, свисающей из кармашка, и коротких полосатых штанах. – Привез, Музыкант? Показывай.

Я хотел оттянуть этот момент. Поужинать сначала в кнайпе, поговорить с парнями из «Банды четырех», стребовать с них долг, выпить пива – и лишь потом идти к Михе. Но не тут-то было, он из окна увидел, как «Зеб» въезжает в гараж, или кто-то другой заметил и побежал докладывать ему.

Я молча поднялся по лестнице. Миха, Захар и Арсен протопали следом, а Леш с Карловым обошли самоход и разглядывали рваную дыру на месте выхлопной трубы.

– Хорошо тебя отутюжили, – сказал Миха. – Кто это был?

– Кетчеры, – я открыл люк. – Причем странные какие-то.

Он внимательно глянул на меня.

– Чем странные?

– А тем... ладно, – махнув рукой, я провел их с Захарием по лестнице в трюм и показал все, что осталось от груза.

Осталось мало – ящики раздроблены, большинство перевернуты, яйца водяных курочек высыпались из них. Пол трюма покрывала неаппетитная смесь из давленных желтков, белков и осколков необычной голубой скорлупы.

Захарий, обзрев трюм, молча ушел обратно. Это не его дело.

Зато это было дело Михи. Он сразу побагровел, замахал руками и тонким голосом выкрикнул мне в лицо:

– Музыкант, это что такое?!

– А ты не видишь? – спросил я хмуро. – Твой товар.

– Товар? Товар?! Нет тут никакого товара! Это называется бой, а не товар!

– А что ж ты хотел, по мне из «гатлинга» стреляли и динамитом швырялись.

– Ты должен был груз сберечь! – Он попытался схватить меня за воротник, и тогда я не выдержал.

Я устал, глаза слипались, хотелось есть, в горле пересохло, а тут этот мелкий гад скачет вокруг, визжит да еще и дергает ворот моей куртки, а она, между прочим, считай что новая, всего три сезона ношу... В общем, схватил я его самого, приподнял и прижал спиной к переборке. Думал врезать для острастки по надутому брюху, но все же не стал этого делать, лишь сказал в красную морду:

– На ферме вашей ящики ставили. Паковали, в трюме крепили... Ваши батраки, ваши с Христой. Если б нормально закрепили – они б не посыпались! А крышки почему с них послетали?!

– А ты должен был проверить, как груз в трюме уложен! – выкрикнул он.

– А я и проверил! – заорал я, распалившись пуще прежнего. – С виду все нормально было! Вернись на вашу ферму – пристрелю тех сволочей, которые ящики мне грузили, передай это Христе!

– Я передам! – завопил он, брызгая слюной мне в лицо, и пришлось отпустить его. – Я Христе все передам! Он с тебя шкуру спустит и на рогадинах растянет! Он тебя самого на рогадине растянет! Распнет, как того мутанта, чтоб груз его не гробил!

– Да брось, – сказал я устало и шагнул к лестнице. – Это всего лишь яйца водяных курочек. Сколько они стоят? По пять медяков за ящик...

– Яйца всего лишь?! – выкрикнул Миха мне вслед и, подскочив, дернул за плечо так, что пришлось повернуться. – А ты видел, какого они цвета?! Это голубые яйца! Голубые!!

– Ну так и что? – не понял я. – Да хоть розовые.

– А то, что это новая порода! Христа этих куриц много сезонов выводил, чтоб они такими яйцами неслись... Они по серебряку за пару стоят!

– Это еще что за цены? – удивился я. – Ты что плетешь? Ну, я тебе дам шас краску, выкрась свои яйца в голубой цвет – никто за них серебряка не даст.

Миха глубоко вдохнул, положил ладонь на грудь, помассировал ее и заговорил тише:

– Это особый сорт, Музыкант. Особая порода курочек. Опытная. В таких яйцах эти... белки какие-то невероятные, и еще что-то есть, чего в обычных нету. Кальций какой-то. И они вкусные, вкуснее обычных. Для Христа они как дети малые были. Любимые. Он столько с ними возился, и так уж горд был, что вывел наконец эту долбаную породу... Стоят они дорого, очень. А у тебя семь ящиков побилось! За этот товар, за то, что ты его не довез в сохранности, Христа тебе такой счет выставит...

В люке показалась голова Захария. Окинув нас взглядом, он сказал:

– Любезничаєте? Слушай сюда, Музыкант. «Зебу» почти каюк. Бензонасос считай что полетел. По борту левому стойку менять да и обшивку не мешало бы новую. Еще аккумулятор... Ну короче, Карлов с Лешем тут прикинули: восемь монет. И это минимум, по знакомству, за работу мы только так... на водку с закусом с тебя возьмем.

– Восемь... где ж я сейчас возьму столько серебра, Захарий? – возмутился я.

– Серебром? – удивился он. – Очнись, брат. Я ж сказал: бензонасос менять надо. Стойку. Еще амортизатор там у тебя потек, ремень генератора порвало. Восемь золотых. А может, и больше.

* * *

– И потом что? – сочувственно спросил Кукурузный Дед.

– Да что... – Я вылил в себя стопку, закурил сухариком и откинулся на стуле, разглядывая кнайпу на первом этаже «Злого киборга». Грязно, шумно, *драчливо*... настоящее злачное заведение для старателей, наемников и бродяг Пустоши. Народу этой ночью полно, между столами ходят разносчицы с подносами, их щиплют, тискают и пытаются усадить к себе на колени, они отмахиваются, хихикают, ругаются.

Кукурузный Дед, малый лет семнадцати с соломенными волосами и конопатым круглым лицом, тоже опустошил свою стопку. Некоторые музыканты одеваются в черную кожу, обвешиваются всякими заклепками, цепями и клички берут – Черный Змей, Монстр Пустоши, Железный Дровосек... Но таких среди моих клиентов мало, чернокоженщики обычно исполняют другую музыку, погромче и по-жестче. У «Банды четырех» имидж простецкий: соломенные шляпы, просторные домотканые рубахи, сандалии из тростника. Ну и музыка у них соответствующая... примерно такая, как я сочиняю. А значит, и сценические псевдонимы эта братия себе выдумывает под стать.

– Потом Миха назначил цену: за груз пятерка золотом.

– Пять золотых за какие-то яйца?! – поразился Буйвол, барабанщик группы.

– Голубые яйца, – пояснил я. – Особый сорт. Я его послал, конечно... Не сорт, Миху. Ну, поторговались и сошлись на трешке.

Буйвол мотнул наголо бритой головой на толстой шее.

– Все равно много, – прогудел он пьяным голосом.

– Ну да, и еще ж ремонт. Хотя Захарий может подлатать пока бесплатно, чтоб только «Зеб» ездил, а остальное потом, когда я деньгами разживусь с доставок. Но Миха сказал: если я из Рязани смоюсь не расплатившись, Христа так разозлится, что может запросто наемников подрядить, чтоб меня завалили, и «Зеба» себе забрать.

Буйвол уставился на меня блестящими глазами, выпятив челюсть.

– Боишься?

Я криво улыбнулся.

– Ротника... нет, не боюсь. Но ситуация плохая.

Икнув, он разлил настойку по стаканам, выпил, не дожидаясь остальных, ухватил из тарелки горсть жареных земляных орешков и отправил в пасть.

– Так што делать думаешь, Музыкант? – прошамкал Буйвол, жуя.

– А что... для начала с вас деньги получу.

Я еще выпил, закурил сухариком и достал трубку. Пока раскуривал, к нам, сжимая сразу четыре кружки пива, протолкался Пыльный, самый старший участник группы, гитарист и певец. Водрузив кружки в центр стола, он сел между мной и Кукурузным Дедом.

– Три серебряка, – сказал я ему.

– Музыкант, брат, – Пыльный обнял меня за плечи, придвигая кружку. – Ты выпей, потом разберемся...

Буйвол что-то прогудел, сграбастал кружку и запрокинул голову. Огромный кадык на шее задвигался вверх-вниз – барабанщик влил пиво в горло, как в колодец.

– Идти надо, – сказал я. – Пиво не буду, не хочу с настойкой мешать.

– Дело говоришь! – согласился Буйвол и взялся за мою кружку.

– Три монеты, Пыльный, – повторил я.

Он убрал руку с моего плеча.

– Че-то много, Музыкант. За что столько?

Я пыхнул дымом и ответил:

– За пять песен.

– Много, ага, – Кукурузный Дед кивнул, поглаживая вихрастый чуб. Когда дело доходило до оплаты песен, «Банда четырех» становилась «Бандой скупцов».

Опустошив вторую кружку, Буйвол положил башку на стол и заснул. Я выбил трубку о каблук, сунул в чехол, чехол – в карман, взял со стола шляпу, надел, продавил ребром ладони тулью, чтоб там образовалась впадина. Посмотрел на Кукурузного Деда, на Пыльного и сказал:

– Вот что, игруны. Я реально в плохом положении. Миха наехал, тачка сломана. Все деньги Михе отдал, даже за ночлег здесь не расплатиться, придется в «Зебе»... Потому мне надо все, что вы мне должны. Вы уже целый сезон не платите.

– Нет, сейчас ничего не дадим... – начал гитарист, но я перебил:

– Пыльный, говорю, не вздумай крутить. Гони монеты.

– Да пошел ты, Музыкант... – пробормотал он, отодвигаясь.

В общем, все было ясно. Я взял его за шиворот, дернул на себя, другой рукой схватил за горлышко пустую бутылку из-под настойки и занес над головой.

– Если ты сейчас монеты не выложишь, я сам их у тебя возьму из кармана. Только ты этого не почувствуешь, потому что будешь под стулом лежать.

– Э, э! – Кукурузный Дед привстал, я локтем ткнул его в грудь, толкнув обратно на стул.

Пыльный дернулся было, но замер, когда я сделал движение, будто собираюсь шмякнуть его бутылкой по лбу.

– Буйвол! – растерянно позвал Кукурузный Дед. – Буйвол, проснись!

Но тот спал, громко храпя.

Пыльный скосил глаза на рукоять «шершня», торчащую из кобуры на моем боку. Эти пистолеты сделаны на основе какой-то древней модели, которая вроде бы называлась маузером или как-то похоже. Сбоку из «шерня» торчит плоский прямоугольный магазин на шесть патронов, у пистолета два ствола и два спусковых крючка. Хотя стрелять в «Злом киборге» – себе дороже, немедленно примчатся вышибалы со сторожами и быстро размажут тебя тонким слоем по ближайшим поверхностям. Пыльный знал, что я вряд ли подниму пальбу, но двуствольник и занесенная над головой бутылка – убедительный довод, и он полез в карман. Достал кошелек, развязал шнурок на горловине.

Опустив бутылку, я сел.

– А, че?! – Буйвол вскинулся, осоловело поглядел на нас и опять упал головой на стол.

– Ты совсем оборзел, Музыкант! – прохрипел Пыльный, вытаскивая из кошелька монеты. –

Больше можешь к нам со своими песенками не подваливать!

– Ну да, а что ж вы петь будете? – я принял у него три серебряка.

– Я тоже сочиняю!

– Ага, ты талант. Незабываемое зрелище было, когда вас в последний раз бутылками закидали, после того как вы эту балладу начали выть... А мои песни в народе любят, сам знаешь.

Сунув монеты в карман, я встал. – Ладно, спасибо за выпивку. А ты, Пыльный, не хмурься, я ж сказал: у меня безвыходная ситуация, все деньги, какие смогу раздобыть, нужны. В следующий раз я вам новую песню привезу. Пыльный угрюмо глядел на меня и молчал.

Буйвол спал. Кукурузный Дед, неуверенно махнув рукой, спросил: – И куда ты теперь, Музыкант? – Схожу прогуляюсь, о делах подумаю.

* * *

Приближалась полночь, когда я вернулся в «Злого киборга». Народу в кнайпе прибавилось, «Банда четырех» на круглой сцене исполняла мою «Песенку кибер-бандита»:

Броня моя – кожа —
Изъедена ржой.
И двигатель-сердце
Как будто чужой.
Тянусь я к бутылке:
Братцы, глотнем?
Закурим, и горло
Опалит огнем!

Мотор ревет, судьба зовет,
Нас в бой ведет.
Хо-хо!
И мы идем, врага найдем,
Потом уьем.
Ха-ха!

Пески мои – море
Пустынной земли.
Снарядов осколки
Секут корабли.
Тянусь я к бутылке:
Бутылка пуста.
Закурим, ребята, —
И по местам!

Мотор ревет, судьба не ждет.
Вперед, вперед!
Хо-хо!
Скорей пойдем врага найдем,
Распнем, уьем.
Ха-ха!

В такт песне посетители стучали о столы кружками и топали ногами, выкрикивая «хо-хо» и «ха-ха» вместе с музыкантами. Я сел за столик в углу, не снимая шляпы, попросил разносчицу принести полбутылки настойки с закуской, раскурил трубку и впери́л взгляд в столешницу. Распнем, уьем, ха-ха... Выхода нет. Я сейчас ничего не могу сделать – но, с другой стороны, что может сделать Ротник и его брат?

Они попытаются забрать «Зеба». Если у меня нет выхода, то у них нет *другого* выхода. Не продавать же меня в рабство на нефтяную вышку... Во-первых, просто так я не дамся, во-вторых, народ не поймет. А вот забрать «Зеб» – тут братья в своем праве. В уплату за долг, раз уж у меня нет другого способа его вернуть.

Я люблю этот самоход. Дороже него у меня нет ничего на свете. Когда он ломается, я сам чувствую боль, будто от раны. Нет, «Зеб» я им не отдам. Но если Миха пошлет в гараж своих вышибал, да охрану, да ночных сторожей...

Напиться, что ли? Это тоже не выход – когда проспиться, будет только хуже.

В зал заглянул Миха, оглядел посетителей, увидел меня, прищурился, но подходить не стал – попятился и исчез в дверях. Разносчица принесла настойку, кукурузный хлеб и ломтики вяленого мяса. Я налил полстакана и выпил, не закусывая. Снова раскурил трубку. «Банда» стала исполнять новую песню – и опять мою. Меланхоличная, медленная мелодия... У меня много таких. Некоторые мои сочинения мне нравятся, некоторые нет. И те, что нравятся, кажутся разрозненными частями одной длинной песни, фрагментами блюза – песни длиной в мою жизнь. Той, к которой я никак не могу подобрать главную тему, такую, что отразила бы суть моей природы и моей судьбы.

Спать хотелось все сильнее. Зевнув, я стащил с шеи платок, свернул и сунул в карман. Надвинул шляпу на лоб, откинувшись на стуле, прикрыл глаза. Размытые светлые пятна поползли под веками, голоса слились в гул, который окутывал меня, покачивал... Что-то заслонило свет. Я сидел неподвижно. Тень сгустилась, стала больше, отчетливее. Тихий голос произнес:

– Тебя называют Музыкант? Надо поговорить.

* * *

– А ты кто такой?

– Называй меня Богдан, – сказал он.

– Звучно, брат, звучно, – согласился я, приподнимая шляпу, чтобы получше разглядеть его. – Хорошее имя, деловое и бодрое. Если кто-то не хочет говорить настоящего имени, всегда называется Богданом.

Я решил, что это бывший монах. Расстрига, покинувший Орден, причем давно. Передо мной стоял немолодой мужик с сединой в коротких волосах и дряблыми складками на шее. Крепкий, невысокий, с медленными движениями и тихим голосом. Одежда обычная: брезентовые штаны да куртка из грубой кожи. Еще высокие кирзовые сапоги. На груди его висел бинокль, а на ремне – нож. Я заметил следы залеченной земляной лихорадки. Мало кому удастся выжить после этой болячки, скосившей две трети Минска. Богдана она наградила светлосерой зернистой коркой, затянувшей левую половину лица.

Я вытянул ногу под столом и со скрипом выдвинул стул.

– Садись, Богдан. Выпьешь?

Он покачал головой и сел.

Мы рассматривали друг друга, а вокруг гомонили, звенели бутылками, ругались и хохотали старатели. Отложив потухшую трубку, я потянулся, поведя плечами, налил себе настойки и выпил. Подцепил длинный ломтик мяса из тарелки, отправил в рот, медленно сжевал. Богдан молча глядел на меня.

– Знания приобретаются посредством диалогов, – заметил я. – Может, анекдот расскажешь, или посидим так, помолчим по-дружески, да и разойдемся?

Он негромко произнес:

– Мне нужно доставить груз. В Арзамас. Выехать придется немедленно, то есть этим утром, не позже.

Я покачал головой.

– Нет, это не ко мне.

Богдан не моргая глядел на меня. Пришлось пояснить:

– Мой самоход сломан. Ремонт нужен серьезный.

– До утра не починить?
– Починить, если механики прямо сейчас начнут. Не всё, но на ходу он будет. Только у меня для этого денег нет.

Он кивнул.

– Тебе хорошо заплатят.

– Правильно, заплатят, когда доставлю твой груз. Ну, дадут треть авансом, как всегда, но этого мало. Деньги на ремонт нужны сейчас.

– Сколько? – спросил он.

Вот это уже было интересно. Отложив погасшую трубку, я стал прикидывать:

– Насос с аккумулятором надо сразу менять... Борт... ну, борт можно не монтировать новый, залатать дырки. Стойку заварить пока. Это ненадежно, но какое-то время протянет. Оси поглядеть обязательно, управление... – Я завел глаза к потолку, подсчитывая, и вынес вердикт: – Пять монет.

– Хорошо, – сказал он.

– Пять золотых монет.

Богдан помолчал и произнес:

– Я плачу...

Тут к нашему столику вынесло пьяницу. Столик, как я говорил, был угловой, стоял он далеко от остальных, здесь было относительно тихо, и народ вокруг не толкался, предпочитая развлекаться в центре зала. Но этот пропойца как-то добрел до нас и, склонившись над Богданом, обнял его за плечи.

– Д-друг... – промямлил он. – Брат! Выпьем, не? Бутылку ставите? Я... Эх! Выпьем, брат...

– Пошел вон, – сказал Богдан, не поворачивая головы.

– Че? – не понял пьяница. – Я... Ах ты гнида – брата гонишь? Ты... Да я тебя...

Он отступил, качаясь, схватил со стола бутылку и жажнул ею о стену. Бутылка разбилась, настойка потекла по руке бродяги, в которой осталось горлышко с острыми «лепестками».

– Я убью тебя, брат! – сипло выдохнул пьяница.

Он был высокий и широкоплечий, а мой собеседник – совсем не крупный с виду. Я уже собрался вмешаться, когда Богдан встал и, коротко замахнувшись, саданул бродягу кулаком в живот. Произошло это очень быстро. Будто мощный поршневой рычаг сдвинулся у меня перед глазами...

Через толпу к нам проталкивались двое вышибал. Бродяга выпустил «розочку» и упал на колени, перевернув стул. Глаза остекленели, он разинул пасть, пытаясь вдохнуть. Поднял голову – и тут Богдан врезал ему носком сапога по лицу. Он мог бы этого уже не делать, но почему-то сделал. Может, получал удовольствие от подобного? Не знаю, но этим ударом он сломал бродяге нос. Пьяница вскрикнул, упал на спину, лицо залила кровь.

Вышибалы подскочили к Богдану, он повернул голову и впери в них холодный взгляд. Они посмотрели на Богдана, на пьяницу, корчившегося у перевернутого стула, на меня.

– В чем дело, Музыкант? – спросил один.

– Мы с приятелем разговаривали, – я кивнул на Богдана, – а этот к нам полез. «Розочкой» махал... за то и получил, сам виноват.

Я здесь завседатай, меня знают. Не говоря больше ни слова, доблестные работники кулака и дубинки подхватили стонущего бродягу под руки и поволокли к выходу.

Богдан сел, достал из кармана платок и вытер руку. Ту, которой ударил пьяницу в брюхо. Кстати, когда он это проделал, пола плаща откинулась, и я заметил оружие на боку. Очень, очень редкое в этих местах оружие.

Ситуация становилась все более и более любопытной.

– Все приходит, все уходит, – философски заметил я, поглядев на осколки и лужу настойки, растекшуюся по полу. – Мы закончили разговор на хороших словах.

Он молча глядел на меня.

– Ты сказал: «Я плачу...» – напомнил я, сделав ударение на последнем слог.

И вот тогда человек, назвавшийся Богданом, на ремне которого висело очень дорогое и редкое оружие, произнес роковые слова:

– За эту доставку я плачу семь золотых. Пять дам вперед, чтобы ты починил свою машину.

* * *

Бочонки мне сразу не понравились. Железные, приземистые и какие-то зловещие. Закрыты тяжелыми крышками на винтах, с клапанами, над ними торчат изогнутые трубки, вентили и манометры.

Рядом стояли два длинных ящика – тоже железные и тоже крепко закрыты. Еще и сургучные печати на засовах с большими замками.

Все это находилось посреди небольшого гаража, расположенного неподалеку от мастерской, где я оставил «Зеба».

– А где твой сендер? – спросил я, оглядывая пустой гараж. – Ты ж не местный.

– Меня подбросили сюда на автотрейлере, – пояснил бывший монах.

– Что, и груз в нем привезли? – я пнул бочонок сапогом. – Тяжелое же...

– Груз доставляли сюда в два захода. И это не твое дело, Музыкант. Я плачу семь золотых, пять – вперед, чтобы ты починил сендер. Ты доставляешь груз в Арзамас. Мои доставки происходят в секрете, я не подряжаю крупных перевозчиков вроде «Бегунов Пустоши» или «Курьеров Дядюшки Стерха». Мне нужен одиночка, на которого можно положиться.

– А что там?

– Это тоже не твое дело. За три дня...

– Ну, пока, приятель. – Хлопнув его по плечу, я развернулся и шагнул к воротам.

– Стой! – окликнул расстрига со злостью.

Понимая, что он вполне мог достать свое оружие и прицелиться мне в спину, я шел дальше.

– Доставщик, стой!

Я оглянулся. Богдан не целился в меня, но кисть правой руки была под плащом.

– Слушай, у меня дела. Что тебе еще надо?

– Почему ты уходишь?

Я удивленно ответил:

– А зачем мне еще в этом гараже торчать? Песни с тобой распевать?

– Почему ты прервал разговор?

– Э, приятель, да ты не понимаешь, похоже... Ты всерьез решил, что я возьмусь за доставку сам не зная чего? Будь здоров, ищи себе другого доставщика.

Я шагнул в ворота, и тогда он сказал:

– Там оборудование для опытов. Альбинос – назад!

Вот это уже было совсем интересно. Альбинос, значит? Откуда он...

– Откуда ты знаешь это прозвище? – спросил я, возвращаясь в гараж. – Никто в центральной Пустоши не...

– Никто, кроме меня, – перебил расстрига. – Когда-то я был на Крыме и видел тебя там. Ты бывший управитель Херсон-Града. И ты – мутант.

Я достал пистолет и выстрелил в него.

Глава 3

В дорогу

«Шершни» стреляют негромко, а во дворе было шумно: крики, звон и музыка «Банды четырех» лились из окон кнайпы, из мастерских доносился лязг, кое-где гудели моторы... В общем, моего выстрела не услышали.

Когда я послал горячий привет из ствола Богдану в левую половину груди, он упал навзничь, я же отскочил назад и быстро выглянул в приоткрытые ворота гаража.

Опустив пистолет, повернулся – и, будем говорить честно, малость охренел, увидев вставшего на ноги Богдана. А ведь под его одеждой не было пластин панцирных волков или какого-то еще доспеха, я бы заметил! Броня, способная на таком расстоянии задержать пулю, пусть даже она выпущена из маломощного «шершня» – это как минимум железная пластина толщиной с мизинец. Но на расстриге был только плащ и легкая рубаша, под которой, клянусь всеми мутантами Пустоши, не было никакого железа! Во всяком случае, я его не видел – и вот же, этот мужик стоит передо мной живой и даже, кажется, невредимый, рубаша слева порвана, но крови нет...

И он не просто стоял передо мной – он целился в меня.

– Знаешь, что это? – спросил Богдан, громко втянув воздух раздувшимися ноздрями.

– Разрывник, – кивнул я. – Редкая штукавина.

– Правильно, Альбинос. Их так называют, потому что они стреляют разрывными пулями крупного калибра. У пуль мягкая головка, от удара раскрывается зазубренными лепестками, которые рвут мясо и дробят кости. Такая пуля пробьет тебя насквозь, и в отверстие я смогу просунуть кулак.

Я вежливо улыбался, слушая эту тираду. Если Богдан думал потрясти меня своей крутизной, то не очень-то преуспел. Но как он выжил – вот это вопрос! Пока расстрига живописал разрывник, в дырке на рубаше что-то вроде как блеснуло, но разглядеть толком я не успел – он повел плечами, и это место оказалось закрыто плащом. Что за невидимая, – ну, почти невидимая – штука надета у него под рубашкой, что за чудеса такие? Чудеса всегда настораживали меня...

Главным образом потому, что меня самого защищало нечто подобное.

Я подавил желание ощупать свою грудь. Там, почти неотличимое от кожи, глубоко в нее погружившееся и принявшее такой же цвет, пряталось одно очень необычное устройство – генератор силовой брони. Я нашел его давно, еще на горе Крым, в брошенном грузовике, где лежал скелет одного отшельника. Тогда необычный кругляш попросту прилип к моей груди, а после выпустил из себя световой кокон, запеленавший верхнюю часть тела, не считая шеи, головы и рук. Свет погас, будто впитавшись в кожу, и стал незаметен... до тех пор, пока в меня не выстрелили. Тогда оказалось, что это броня – световая или силовая, как хотите, так и называйте – главное, что она перераспределяет удар пули по всей своей поверхности, то есть на мгновение сжимается на торсе, ну а пуля просто падает, расплюснутая, на землю. Я так и не выяснил, откуда взялась эта штука, кто, где и когда ее сделал, на каких принципах она работает (но однажды я услышал от одного очень, очень плохого человека, что это технология каких-то *доминантов*). С тех пор кругляш, незаметный ни для кого, всегда был на мне, днем и ночью. Я ждал, что когда-нибудь у него закончится энергия, но прошло уже несколько сезонов, а этого не происходило. Световая броня несколько раз спасала меня если не от смерти, то от тяжелых ран – уж точно.

Что если такая же на Богдане?

Но моя броня слабо вспыхивает зеленоватым светом, если что-то с приличной силой ударяется о торс. А в оставленном пулей «шершня» дырке в рубахе зеленого света я не углядел – то, что блеснуло там, скорее напоминало металл.

– Откуда ты знаешь меня? – спросил я, приглаживая свои черные как смоль волосы. Красить их приходилось довольно часто, чтобы не были видны белые «корни». – Я ведь...

– ...Хорошо замаскировался, – кивнул Богдан, медленно опуская разрывник. – Ствол в кобуру, доставщик. Ну! Потом продолжим разговор.

Я сделал, как он хотел. Расстрига тоже убрал оружие, небрежно провел ладонью по груди, запахнул плащ и произнес:

– Алви Сид, управитель Херсон-Града... бывший управитель. Далеко ты забрался от горы Крым.

– Далеко, – кивнул я. – Главное – давно. Не думал, что кто-то...

– Кто-то в этих местах узнает тебя, да еще с перекрашенными волосами? Никто и не узнает. Даже красить их нет теперь особого смысла.

– Ты-то узнал.

– Я долго жил в Херсон-Граде и несколько раз видел тебя там. Тебя или твоего брата, мутант.

Пальцы сами собой сжались на рукояти «шершня». Два моих сердца часто и зло колоутились в груди. Мои сердца... из-за них я когда-то бежал, оставив город на своего брата-близнеца, *не мутанта*, из-за них я познакомился с карликом-доставщиком Чаком, летающем на самодельном дирижабле с корпусом автобуса вместо гондолы, из-за них в конце концов покинул гору Крым и стал обычным доставщиком в центральной Пустоши¹.

Богдан уже открыл рот, чтобы продолжать, но я поднял руку.

– Как у мутанта, у меня иногда включается нечеловеческая интуиция.

Он вопросительно смотрел на меня.

– Ин-ту-и-ци-я, – по слогам повторил я. – Это такое древнее слово, которое я узнал от моего покойного учителя. Означает... ну, способность к предвидению.

– И что предвидишь сейчас, Альбинос?

– Твои следующие слова. Ты скажешь: вези мой груз, иначе все узнают, что ты мутант. Тебе перестанут заказывать доставки, а скоро новость дойдет и до монахов, и на тебя начнется охота.

– Я хотел сказать это немного иначе, – кивнул он, – но смысл был бы именно такой.

– Что за груз, Богдан?

– Оборудование. Всякое оборудование для лабораторий Меха-Корпа. У них контракт с харьковскими оружейниками. Бартер. Я занимаюсь поставками в обе стороны.

– А бочки? – хмыкнул я. – В бочках тоже оборудование?

– Химические вещества для их лабораторий. Образец нового топлива. Возможно, Меха-Корп сможет наладить его производство в большом количестве и поставлять небоходам для их авиеток.

– Но если ты и раньше занимался этими поставками, у тебя должны были быть постоянные перевозчики.

– Да, но теперь у Меха-Корпа какие-то неприятности с Замком Омега, и мне нужно сменить перевозчика. Опасаюсь предательства.

– «Неприятности»! – фыркнул я. – Да они всегда на ножах были!

– Сейчас – обострение конфликта, – отрезал он. – Теперь ты все знаешь, Альбинос. Решай.

¹ Эти события описаны в романе «Варвары Крыма».

– Не называй меня так. Никогда больше, понял? Перед тобой стоит доставщик по прозвищу Музыкант, запомни. – Я достал трубку и полез в карман за кисетом. – И еще: в одиночку по Пустоши не ездят. Я вон попробовал, и что получилось?

– Попробуешь еще раз. Я очень хорошо плачу, сделаешь все тайно.

– Но почему именно я?

Он пожал плечами.

– Мне рекомендовали тебя. Не кури здесь. И в трюме самохода, когда там поставят груз, не кури.

– Ты так уверен, что его там поставят... – я сунул трубку обратно. – А мне сдается, что семь золотых – мало за такую доставку. Слишком опасно все это.

Богдан скупо улыбнулся.

– Когда искал доставщика, меня предупреждали, что ты постараешься выжать из этого максимум. Хорошо, плачу шесть золотых вперед и восемь за всё. Восемь, Альб... музыкант. Не больше. Если откажешься – к завтрашнему утру все в городе узнают, кто ты такой.

Я неторопливо раскурил трубку.

– Восемь золотых монет московской чеканки – большая сумма, – напирал он. – Некоторые могут прожить на нее много-много сезонов...

– ...И все это время за ними не будут охотиться омеговские наемники. – Сунув трубку в зубы, я вышел из гаража.

Из-за ограды доносились голоса и смех, в мастерской Захария гудел трансформатор. Я огляделся, посмотрел на звезды, и тогда в голову пришла мелодия. Вернее – обрывок, несколько нот, короткий мотив... Даже не выбив погасшую трубку, я сунул ее в карман и достал гармошку. Сыграл... Вот оно!

Свет, льющийся из ворот гаража, пересекла тень – Богдан вышел следом.

– Что ты реши... – начал он, но я поднял руку, чтоб он помолчал, и выдул из гармошки еще несколько нот. Да, вот теперь я ее запомнил, теперь не ускользнет...

Я повернулся к нему и сказал:

– Гони деньги, чтоб можно было начать ремонт.

* * *

Отдав долг Михе и поговорив с Захарием, я закупился провизией, топливом, взял пару упаковок пива, а на остаток денег приобрел три больших бидона с водой, патроны к «шершням» и новую гитару.

Комнату в гостинице снимать не стал – забрал из рубки «Зеба» спальник и устроился на лавке под оградой. Ночные сторожа гоняют со двора бродяг, но меня здесь знали и не трогали.

На рассвете меня потрясли за плечо. Кое-как разлепил веки – рядом стоял Захарий.

– Пошли.

Я сел и зевнул. Под глазами механика залегли круги, лицо осунулось. Сколько прошло с того момента, как я сказал им, что тачка должна быть на ходу рано утром... Несколько часов – и все это время они не смыкали глаз.

Что могут за такой срок сделать четверо опытных механиков, имеющих все инструменты и запчасти?

– Ну, молодцы, парни! – сказал я, обходя «Зеба». Из-под днища выбрался Леш, вытер тряпкой руки и убрел к столу, где стояла бутылка с остатками настойки да сиротливо лежал последний надкусанный початок кукурузы. Карлов и незнакомый механик на корточках сидели на краю палубы и смолили самокрутки. Вид у них тоже был не бодрый.

– Молодцы, – повторил я, проводя ладонью по борту. Каждая дырка от крупнокалиберной пулеметной пули была аккуратно закрыта серебристой пайкой. – Лучше вас никто бы во всей Пустоши не справился.

Я поднялся на палубу, похлопал по плечу Карлова и через люк залез в машинный отсек, чтоб проверить движки.

Когда выбрался обратно, старший механик вместе с Лешем стоял возле стола и мелкими глотками цедил настойку из стакана. Перегнувшись через ограждение, я спросил:

– Захарий, сколько я вам еще должен?

– Две монеты, – откликнулся он. – Аккумулятор заменили, но бензонасос старый, только клапаны поменяли.

– Видел. А когда и бензонасос новый поставите – сколько буду должен?

Он посмотрел на Карлова, хорошо секущего в денежных вопросах, тот пошевелил губами и сказал:

– Как для тебя... всего три золотых.

– Понял. Как насчет, чтоб к концу сухого сезона?

Захарий с Карловым переглянулись, и последний покачал головой.

– Это ж сколько декад ждать, Музыкант...

– Мы станок один собрались в складчину купить, – добавил Леш. – Дорогой. Деньги нужны.

Я развел руками.

– Раньше у меня может не получиться. Я постараюсь, вы знаете, но...

– Станок-то мы и так купим... – задумчиво протянул Карлов.

Захарий поманил к себе механиков. Ожидая, пока они переговорают, я еще раз прошелся по палубе, заглянул в рубку, потом спустился.

– Вот что, Музыкант, – сказал Захарий. – Можем так сговориться – отдаешь долг в сухом сезоне, но за то доставишь один груз.

– Три «К», – сказал я.

Все посмотрели на меня.

– Главная формула всех доставщиков: три «К». Когда? Куда? Какой?

– Сейчас. В Кривую балку. Вот этот. – Захарий сдвинул вбок стенку стоящего под столом железного ящика и выкатил оттуда приземистую трехколесную тележку. На ней были ремни, небольшой движок, бак для солярки – бидон с утопленным в днище ребристым шлангом – маленький руль и выхлопная труба сзади.

– Для Пол-Солдата, – пояснил Карлов. Я кивнул. Пол-Солдата – так называли родного брата Захария, бригадира большой артели ломщиков.

– Они, значит, в Кривой балке? – уточнил я. – Взались-таки за нее, не побоялись ползунов...

– Ползуны передрались, – пояснил Захарий. – А победивший холмовейник наемники, которых ломщики для охраны наняли, сожгли, теперь в балке безопасно. Скажешь Пол-Солдата, что движок сильный, так чтоб осторожно поначалу, пока не привыкнет...

– До балки недалеко, но она не по пути. А я ж уже заказ до Арзамаса взял, понимаете? Сейчас грузиться буду. Чтоб в балку попасть, крюк придется делать...

Карлов присел и стал заворачивать тележку в мешковину.

– Небольшой крюк, Музыкант, – сказал Захарий. – На полдня всего. А брат эту тележку давно ждет. Мы ее почти сезон мастерили. Отвезешь, Пол-Солдата тебе благодарен будет, а его благодарность всякому пригодится. И мы с твоим долгом подождем.

– Ладно, договорились, – сказал я. – Только у меня радо-порошок старый уже, новую колбу насыплете?

– Насыплем, давай колбу.

На том и порешили.

Запакованную тележку поставили в трюме, я вывел «Зеба» из мастерской и задом подрулил к гаражу, арендованному Богданом. Тот спал внутри, а может, и не спал – когда самоход, порывивая двигателем, остановился перед воротами, створка сразу распахнулась, и расстрига шагнул наружу.

Разместив груз в трюме, я обмотал его тросами, которые пропустил в металлические уши, приваренные к бочонкам, закрепил, проверил... нормально. Ящики поставил под стеной, мы с Богданом осмотрели печати на засовах: целые. В сургуче был выдавлен знакомый знак одного из Цехов оружейников: две скрещенные винтовки.

– Не пытайся вскрыть, – напутствовал Богдан. – Ничего интересного для себя внутри не найдешь, а проблемы на месте доставки будут большие. Тебе все ясно, Музыкант?

Я ответил, что мне все ясно, Богдан кивнул и ушел, а я повел «Зеба» к заправочной тумбе, стоящей в глубине двора. Два сторожа, постоянно охраняющие ее, наполнили баки самохода, я расплатился и подъехал к мастерской Захария.

Старший механик дрых в гамаке, подвешенном между столбами на том месте, где вчера висел сендер, а остальные трое вывалили поглядеть, как чувствует себя самоход. Он чувствовал себя хорошо, слушался руля, мотор не глох... На всякий случай я включил и второй, который врубаю обычно только если надо поднажать, прокрутил на холостых – и с ним порядок.

Солнце еще не поднялось, но было светло. Богдан, сообщив мне напоследок, что в бочонках большое давление и открывать их без специальной приспособы нельзя, отошел к задним дверям гостиницы. Дверь балкона на втором этаже приоткрылась, и наружу осторожно выглянул Миха. А этому что надо, я ж с братьями Ротниками расплатился сполна? Поняв, что его заметили, Миха отодвинулся в глубь комнаты, но продолжал наблюдать за мной.

Мутант его знает, что все это значит. Пожав плечами, я развернул «Зеба», отсалютовал механикам, которые помахали мне в ответ и отправились дрыхнуть. Один из сторожей отпер ворота, я выкатил наружу и утопил газ.

«Зеб» плюнул дымом, закачался на ухабах, разбрызгивая грязь тремя парами колес. В этот миг край солнца показался над горизонтом, и первый теплый луч его отразился от выпуклого стекла в передней стене рубки. Мир вокруг заиграл красками. Вытащив гармошку, я издал длинную переливчатую трель, приветствуя новый день – и повел «Зеба» вперед.

* * *

Присев, я осмотрел нижнюю часть бочонка. Трубки с манометрами на крепко пригнанных крышках не внушали доверия. Да и вообще бочонки эти мне совершенно не нравились. Я постучал кулаком по одному, пнул сапогом другой, и внутри гулко плеснулось. Вскрыть бы его по-тихому, чтоб точно узнать, что за груз везу... но если там и правда давление большое, то просто так скручивать винты на крышках нельзя, надо подключать к вентилю шланг с особой манжетой и только потом осторожно открывать клапан, а у меня нет такого шланга.

Я подошел к ящикам и подергал замки. Дужки толстые, крепкие. И печать не сорвана. Присев, взялся за край одного, попробовал приподнять – и едва-едва оторвал от пола. Пять бочонков и два ящика... Нет, что ни говори, подозрительный груз. Да и что это еще за давление, откуда там давление?

Я прошел в носовую часть трюма, опустился на корточки и похлопал по принайтованным к борту баллонам со сжатым воздухом. Патрубки от них тянулись в корму и были подключены к обоим двигателям. Достаточно повернуть красный вентиль, утопить педаль газа в пол и... А ведь этой штукой можно будет воспользоваться как раз в районе Арзамаса, там есть длинный прямой участок дороги.

Ладно, это потом. Я уже собрался подняться на палубу, но взгляд случайно упал на нижнюю часть стоящего с краю бочонка. Что это там за выступ?

Ножом я отогнул край жестяной полоски, охватывающей бочонок в нижней части. Ухватил ее, потянул, ломая пайку, нагнулся... Ах ты ж! Выругавшись, сунул пальцы в углубление, подергал – и рванул.

Когда я выпрямился, на ладони лежала плоская железная коробочка со свисающим проводом без изоляции.

То есть передатчик с антенной.

Поднес его к уху – внутри тихо гудело.

Тридцать три мутафага вам в глотку! Зачем такую штуку поставили на груз? Чтобы следить за моим перемещением, чтобы не заехал куда не надо? Но она не очень-то мощная, хорошего сигнала не даст... Так что тогда?

А вдруг этот Богдан скрытно за мной едет?

Снова выругавшись, я поднялся на палубу и встал позади рубки, глядя назад. Никого. По крайней мере, никого не видно.

Тогда зачем этот передатчик нужен?

И как теперь поступить? Можно оставить все как есть... ну нет, чтоб какая-то штука передавала сигналы с борта «Зеба» – этого я точно не допущу! Остается либо выбросить ее в песок, либо сломать.

Что для меня выгоднее – чтобы передатчик вообще заткнулся или чтобы продолжал работать, но перестал показывать место нахождения «Зеба»?

Если те, кто ловит его сигналы, увидят, что самоход больше не движется, что они сделают? Приедут проверить, что случилось? И я, спрятавшись неподалеку, смогу понять, кто это, Богдан или кто-то другой.

Только времени на это нет. Да и слишком мало я знаю, чтобы решить что-то толком. А потому... Я швырнул передатчик на палубу и несколько раз ударил по нему каблуком. Поднял – крышка треснула, сбоку отлетел винт – потряс слегка. Внутри задребезжали отвалившиеся детали. И гудение смолкло.

Вот так вот. Пусть *они* теперь гадают, что случилось.

Самоход качнулся, и я поспешил в рубку.

Преодолев обширную низину, протянувшуюся к юго-востоку от Рязани, «Зеб» ехал по склону невысокого холма. Я отжал фиксатор и взялся за штурвал, усевшись на высоком вращающемся стуле с удобной спинкой. Через пески предстоит ехать не очень долго, затем пересечь русло высохшей реки, все больше забирая на север, чтобы миновать опасный зыбучий район, после сворачивать к востоку, миновать Муром, ну а дальше уже и Арзамас будет. Жаль, что из-за зыбучих песков напрямую от Рязани к Арзамасу не проехать, это сэкономило бы много времени. Зато возле Мурома пустыня с барханами кончается, начинается степь.

Я потянулся к громоздкому ящику радиостанции возле рулевого колеса. Врубил его и покрутил настройку, но не нашел ничего интересного. В этом районе не ловилось ни «Радио-Пустошь» Шаара Скитальца, ни «Голос Московии», ни киевский «Свет Храма».

Снова зафиксировав штурвал, взял бинокль, залез на крышу и осмотрелся. Вроде, никакой опасности вокруг. Даже если кто-то целенаправленно ловил сигнал передатчика, никто меня не преследует. Пока что. Но, возможно, они всполошатся, когда перестанут принимать сигнал?

«Зеб» катил ровно и быстро, мерно гудел двигатель, шелестел песок под колесами. Солнце подбиралось к зениту, жара крепчала. Опустив бинокль, я посмотрел вверх, вдохнул полной грудью теплый воздух. Небо сияло горячей синевой, облака ползли по нему, как островки белой пены. Сощурившись, я медленно повернулся.

Пустошь опасна, наполнена смертью, в ней процветает работоторговля и нищета, здесь каждый сам за себя и готов убить соседа за початок кукурузы, кусок хлеба, медяк. Но я люблю ее. Не населяющих эти земли людей – сами земли. Желтый песок под синим небом. Каменистые равнины, по которым ездят одинокие сендеры. Развалины, брошенные поселки, зараженные пустыри, радиоактивный ветер и далекий горизонт в жаркой дымке... Люблю этот смертельный жестокий мир.

С такими возвышенными мыслями я спустился в рубку, под полом которой спрятан небольшой отсек с сухим льдом, достал бутылку пива, перетащил кресло в тень, сел и раскурил трубку. Сделал первый, самый приятный глоток, выпустил в небо струю дыма.

Ветер шевелил поля шляпы, срывал с вершин барханов желтые ленты песка. В этом районе сильный ровный ветер дует почти всегда, что позволяет ездить на парусных сендерах. Надо бы заняться наконец той мелодией, что пришла на ум прошлой ночью. Этот блюз... было в нем нечто, заставляющее сердце сладко сжиматься.

Гитара лежала в рубке, пришлось вставить. Когда я шагнул к двери, далеко за кормой «Зеба» что-то мелькнуло, и я бросился к ограждению, сдернув по дороге ремень трехлинейки со спинки кресла.

Позади были только барханы с низинами, через все это тянулись оставленные машиной широкие колеи, которые ветер уже начал засыпать песком. Я прищурился. Нет, ничего... но ведь там точно что-то было, и возникло оно над вершинами бархана, через который мы недавно перевалили. Или все же показалось?

Больше сзади ничего не возникало, и я наконец расслабился. Самоход миновал еще несколько барханов. Вернувшись в рубку, я увидел, что пыль в подвешенной к потолку большой толстой колбе стала бледно-розовой. Пыль эту называют радо-порошком и добывают в шахтах возле восточного фронта, где стоит Замок Омега. Порошок как-то чувствует радиацию, понятия не имею, что там с ним происходит, но он краснеет по мере ее увеличения. Впереди как раз вырос очередной бархан, я не стал огибать его, повел «Зеба» прямо и на вершине остановил, не глуша двигатель. Захватив бинокль, прошел в носовую часть.

Впереди лежала обширная темная область, над которой курились испарения. Раньше в этом районе ничего такого не было, а теперь вот какая-то зараза поднялась из-под песка.

В центре темного пятна земля вспухла, словно там прорвало нарыв, вверх ударил гейзер пара и кипящей грязи. Поток взметнулся высоко в небо, распался зонтиком, грязь дождем посыпалась вокруг, клокоча, взбивая коричневую пену, растекалась во все стороны. А гейзер не утихал, и теперь вместе с кипятком из него вылетали какие-то обломки, куски кладки, шифера и падали вокруг. На мгновение струя опала, будто что-то закупорило отверстие, потом с глухим хлопком гейзер выплюнул сдавленный железный остов древней машины.

Он взлетел высоко, окруженный темным ореолом жидкой грязи, пронесся по крутой дуге и врезался в песок у подножия холма.

Вернувшись в рубку, я кинул взгляд на колбу – радо-порошок стал бледно-красным. Пришлось спешно поворачивать, отъезжать от радиоактивного пятна подальше и двигаться в обход.

Гейзер клокотал за барханами. Пыль в колбе посерела, мы удалялись от эпицентра. Радиоактивные пятна и гейзеры – следствия каких-то непонятных людям процессов, которые происходят в глубине. Они могут быстро исчезнуть или надолго сделать какую-то часть Пустоши непроходимой. Главное, что гейзер не отрезал от меня Кривую балку.

Вскоре я увидел ее впереди.

* * *

Стук кирок и скрежет ручных дрелей наполняли низину. Когда-то здесь стоял поселок из кирпичных и каменных домов, причем вторых было куда больше. Древний кирпич мало на что годен, от времени он становится ломким, но камень всегда в цене. Артели ломщиков занимаются его добычей.

Я осторожно подвел самоход к расчищенной от песка улице посреди руин. Из пролома в крыше высунулся ствол, потом человек с оружием выпрямился во весь рост – молодой наемник в шортах и зеленой бандане, с татуировками на груди. Обрез в его руках повернулся к рубке. Если пальнет из такого, снесет половину надстройки... Придерживая штурвал одной рукой, я выглянул в дверь.

– Э! – хрипло крикнул наемник. – Че надо?

– Я доставщик!

– А мне-то че? – спросил он.

– К Пол-Солдата еду!

– Зачем это? Ему щас не до тебя, вали!

– Слушай, ты... – начал я, и тут на балкончике без перил, прилепившемся к стене соседней развалюхи, появился второй наемник, обладатель круглого пуза и покатых мощных плеч, с револьвером, который казался игрушечным в жирных лапищах. Круглая рожа его лоснилась от пота.

– Кто приперся? – сипло спросил он, увидел меня и добавил: – А, ты...

– Тимиряз, вели своему парню, чтоб пустил меня, – сказал я.

– А чего ты прикатил, Музыкант? К Пол-Солдата?

– Да. Захарий просил ему одну вещь...

– Уж не тележку ли? – заинтересовался главарь бригады наемников, которую артель наняла для охраны.

– Тележку. Я спешу, Тимиряз.

Он махнул рукой.

– Ладно, едь... Стой, так ты из Рязани, выходит? В дороге чего видел?

– В пяти верстах отсюда гейзер начал бить, – я тронул самоход с места. – Вокруг пятно радиоактивное. А больше ничего интересного.

«Зеб» катил по залитой солнцем пыльной улице, полной стука кирок, грохота камней и грубых голосов. Ломщики откалывали булыги и катили на тележках в сторону колесной баржи, стоявшей на другом конце улицы рядом с тягачом. На барже высилась гора каменюк. Некоторые рабочие орудовали ручными сверлами с ременной передачей, у других к сверлам были приспособлены небольшие моторы, а на спинах висели бачки с соляжкой.

Я чуть не подскочил, когда впереди поперек улицы обрушилась каменная стена. Пыль встала, будто желто-серый туман. Сквозь раскрытую дверь она попала в рубку, я закашлялся, сплюнул рыжей слюной. Со всех сторон к упавшей стене заспешили люди, кто-то выругался, кто-то засмеялся. На крыше дома вверху показались два наемника с обрезами, оглядели улицу и ушли.

Проехав еще немного, я встал. Пыль оседала быстро, с горы обломков донеслись крики, стук кирок, удары кувалды и треск расколовшейся глыбы. Вытащив из-за штурвала завернутую в мешковину тележку, я слез на землю и пошел вперед.

Пол-Солдата – ветеран Второй городской войны, когда небоходы сцепились с Цехами харьковских оружейников – блистал загорелой лысиной, окруженной венчиком седых всклокоченных волос. Ног нет, торс в полосатом пиджаке на голое тело пристегнут к тележке с резиновыми колесами. Бригадир вынырнул из тени развалин, взлетел по склону горы и осыпал

ломщиков потоком брани. Из его слов я понял, что стену обрушили рано, потому что баржа еще не проехала, и теперь уже до вечера не проедет, ведь завал расчищать долго, а значит, работы на той стороне улицы, которую я миновал, прекратились, хотя там накопились камни, которые надо грузить... Ломщики, свалившие стену, вяло и неубедительно отругивались. Лица большинства скрывали повязки от пыли. Пол-Солдата, снующий между их ног, орал и брызгал слюной. В руках у него были деревянные колодки, чтоб толкать тележку, и этими колодками бригадир колотил подчиненных по лодыжкам.

Я снял мешковину с подарка механиков, поставил его перед собой и крикнул:

– Эй!

Бригадир осекся, свирепо развернулся на своей тележке и увидел меня.

– А-а-а, Музыкант! – Он рванулся вниз, щеря кривые щербатые зубы. – Привез, а?!

Слетев с горы, Пол-Солдата бросил колодки, дружески пихнул меня кулаком в колено и принялся отстегиваться от старой тележки. Ломщики с гомоном полезли следом, обступили нас. Пол-Солдата расстегнул ремни и рывкнул:

– Че пялитесь? Марч, Цапля, помогите!

Низкорослый Марч и тощий длинношей Цапля взяли бригадира под мышки и почтительно переставили с одной тележки на другую. Пол-Солдата оттолкнул руки Цапли, который хотел помочь ему с ремнями, сам затянул их и оглянулся на движок. Все это время он непрерывно говорил:

– Ну, Музыкант, удружил... И Захарий – молоток братан, не забыл! Долго они с ней морочились, но теперь уж я поезжу! Слышали, а? – Он оглядел столпившихся вокруг людей и погрозил им мозолистым кулаком. – Теперь за всем услежу!

– Уследишь, Солдатыч, – откликнулся Цапля.

– Теперь-то спуску вам не дам... теперь... Вот, Музыкант, порадовал старика... – Пол-Солдата наконец покончил с осмотром и врубил движок. Тот чихнул, запыхтел и включился. Тележка мелко затряслась, плюнула вонючим дымом из трубы. Кто-то закашлялся, Цапля замахал руками перед лицом. Тележка затряслась сильнее. Бригадир покрутил небольшой руль, переднее колесо повернулось из стороны в сторону.

– Захарий просил передать, чтоб ты... – начал я.

– Солдатыч, ты б осторожненько, – перебил Цапля.

– Не учи бригадира, салага, я скока уже за баранкой! – Пол-Солдата дернул рычаг и сорвался с места. Оставляя за собой шлейф дыма, он пролетел между рабочими, с хриплым воплем пересек улицу, проломил обветшалую стену и пропал из виду.

Схватившийся за голову Цапля бросился следом. Я склонил голову, пряча улыбку в тени шляпы. Ломщики реготали так, что с развалин на другом конце улицы взлетали вороны-падальщики. Артельцы хватались за бока и пихали друг друга кулаками. Из пролома выскочил Цапля, крича на ходу:

– Солдатыч, я в чем виноват?!

Выкидывая далеко вперед голенастые ноги, он взбежал на вершину каменной горы. На улице показался бригадир, который выключил движок и ехал старым способом, отталкиваясь от земли руками. Он был припорошен кирпичной пылью, лысина исцарапана, на ухе висел кусок ржавой проволоки. От Пол-Солдата разило соляжкой и гневом.

– Че встали?! – выверился он, подкатив к ломщикам. – Ржете, кони?! Работать всем! Не засчитаю день! Работать! Марч, бери своих, завал расчищайте! Норис, Петр – носилки в лапы, будете камни к барже отсюда носить!

Все еще похохатывая, ломщики стали расходиться. Пол-Солдата ругнулся им вслед, стряхнул проволоку с уха и повернулся ко мне.

– Захарий просил передать, чтоб ты поосторожней сначала, пока не привыкнешь, – сказал я.

– Да уже я это понял, – ответил калека и достал из кармана большую табакерку. – Слышь, Музыкант, мне сеструха из Харькова вот прислала... Ты ж знаешь, она у меня за плантатором замужем... Подставляй ладонь.

Я присел на корточки и вытянул руку. Бригадир щедро сыпанул первосортного харьковского табака, который в этом районе Пустоши не достать.

– Благодарю, – сказал я.

– Кури на здоровье.

На развалинах вновь кипела работа, стучали кирки, летела пыль от сверл.

– Ну, бывай, Пол-Солдата, – я пожал ему руку и пошел к «Зебу».

* * *

Балка осталась позади. Свернув к северо-востоку, я передвинул кресло в тень рубки. Перекусил, сварил кофе на примусе и выкурил трубку, набитую харьковским табаком.

Когда «Зеб» достиг большого и очень длинного, полузасыпанного песком дома с плоской крышей, на которой проросли кусты и кривые деревья, я уменьшил скорость, улегся на палубу, выставив голову над бортом, посмотрел вниз. Здание выступало из склона холма, ближнюю стену песок скрывал лишь на треть. Сквозь окна открывались глубокие залы, и пока самоход катил вдоль постройки, я разглядывал их сверху. Пыльный сумрак рассекали столбы солнечного света. Плитка на стенах, какие-то кабинки, прячущиеся в полутьме прилавки, блеклые тени, мусор, битое стекло и сухие листья... Что здесь было раньше? Огромный рынок? Или, может, вокзал вроде тех, которые предки, как я слышал, строили на железнодорожных путях?

«Зеб» ехал дальше, разделенные покосившимися перегородками залы тянулись вниз, и вдруг на одном прилавке в тусклом размытом столбе света я увидел фигуру. То ли человек, то ли мутафг... Или человекообразный мутант, так называемый антроп?

Существо сидело на корточках, голова медленно поворачивалась из стороны в сторону. Под ней что-то болталось... хобот? Я сощурился, вглядываясь в сумрак. Не разглядеть толком. Голова поднялась, существо поглядело на меня, проезжающего тремя этажами выше, и прыгнуло. Ноги – или задние лапы? – распрямились, будто у жабы, и оно исчезло под дальней стеной, где зияли темные дыры.

Покачав головой, я встал. Что это было? Что за племя обитает в заброшенной громаде? Внизу наверняка есть подвалы, древняя канализация, часть ее теперь непроходима, но по многим трубам еще можно передвигаться. Там целый мир – и мы, обитатели Пустоши, ничего не знаем о нем. Иногда в глухих дальних городках пропадают дети или подростки, и местные утверждают, что их утащили какие-то твари, появившиеся из-под земли. Говорят, кое-кто видел даже целые поселки, из которых внезапно исчезли все обитатели. Вот только вчера там жили люди, а на следующий день вернувшийся из недолгой поездки человек находит лишь пустые дома. Одни рассказывали, что перед такими исчезновениями над этими поселками иногда повисает какое-то странное облако или смерч, хотя другие говорили, что на самом деле виноваты платформы, парящие высоко в небе, таинственные хозяева которых зачем-то похищают людей.

Древнее здание осталось позади. Спустившись в трюм, я проверил груз – бочонки надежно привязаны, ящики стоят на своем месте. Вид их мне в очередной раз не понравился. Да еще тот передатчик... Я едва подавил желание притащить из каморки, где лежали инструменты, фомку с молотком и попытаться вскрыть хотя бы один ящик.

Захватив из рубки шляпу, вернулся на палубу, сел в кресло и взялся было за гитару, но настроения играть не было. Тревога сидела где-то в селезенке и не давала расслабиться.

Самоход достиг вершины очередного бархана, мягко перевалил через нее, спустился и поехал вдоль гряды холмов. Я встал, чтобы сходить за пивом – и краем глаза заметил движение позади.

Разъеешь вас всех некроз – ведь что-то там за мной все же едет! От самой Рязани едет!

Схватив ружье, я нырнул в рубку, вырубил движок и, когда «Зеб» остановился, соскочил с кормы в песок. Взбежал, увязая в нем, по склону бархана, не достигнув вершины, улегся, прополз немного вверх и осторожно выглянул.

Желтая шляпа сливалась с песком – будем надеяться, что меня не заметят. Выставив вперед ствол, я приподнял голову немного выше.

Позади не было ничего, кроме барханов до горизонта. Кривая балка давно пропала из виду; растительности, кроме редких кустов-колючек, не видно. И никакой живности – то есть где-то между дюнами наверняка были пылевые суслики, ну и какие-то мутанты могли здесь обитать, но все они попрятались от дневной жары. Солнце горело в небе, казавшимся сухим и каким-то выцветшим. Когда смолк двигатель «Зеба», наступила тишина, лишь иногда ветер шелестел песком.

Над барханом позади возникла серая полоска. Расширилась, стала выпуклой, будто вершина купола... Я замер.

Это и был купол – тускло-серый, гладкий, с синеватым отливом. Он вырастал из-за бархана по мере того, как нечто вползало на его вершину по дальнему склону.

Оно было приземистым и размером примерно с половину моего «Зеба». И покрыто хитином – во всяком случае, чем-то очень похожим. Платформы небесные: да там же что-то живое ползет! Здоровенная тварь! Купол, на самом деле, его башка, а эти торчащие вверх длинные гибкие штыри – усики, и скоро появятся глаза... Но как, откуда это существо взялось?! Почему я ничего никогда не слышал про подобных гигантских монстров? И почему он преследует меня?

Пытаясь получше разглядеть его, я приподнялся выше, и тогда существо остановилось. Все застыло. Ветер подул сильнее, по склонам бархана заструились песчаные ручьи.

Существо попятилось, видимая мне часть купола стала уменьшаться. Оно меня заметило! Я выпрямился, подавшись вперед и не опуская ружья, но ничего толком разглядеть так и не смог – тварь исчезла.

Зажмурившись, я провел ладонью по лицу, присел и повернулся к «Зебу». *Это* следует за мной – но не преследует. Скорее, наблюдает... зачем? И что оно вообще такое?

Донесся гул мотора, и я вскочил, крутя головой. Кажется, звук идет из-за барханов слева, где виднеются ржавые останки ангаров. Но какой-то он... многоголосый, что ли?

Из-за вершин вынеслась красная авиетка.

Она двигалась совсем низко, виден был серый круг пропеллера и голова пилота в обтягивающем кожаном шлеме.

Что здесь делает машина Гильдии? И почему так невысоко летит?

Накренившись, авиетка стала поворачивать, едва не чиркая крылом по вершинам, в сторону «Зеба». Пролетела над полукруглыми фермами одного из ангаров.

Сначала я увидел вспышку под каркасом из ферм, а спустя пару мгновений долетел грохот выстрела.

Сноп огня выплюнул длинный орудийный ствол, торчащий из угловатой башенки танкера, который прятался в полуразрушенном ангаре. Так называют машины, которые умеют делать только в Замке Омега. Этот танкер точно принадлежал омеговцам: на передке его была нарисована большая желтая подкова, знак солдат-наемников.

Со скрежетом смяв вросшие в песок полукруглые фермы, танкер качнулся и с громким гудением начал сползать по склону.

Снаряд попал в хвост авиетки. Повалил дым, сквозь него пробилась языки пламени. Машина плоским деревянным брюхом свалилась в песок, шасси взрыли его, погрузившись целиком.

На башенке танкера возник омеговец с автоматом.

Авиетка упала недалеко от «Зеба». Хвост горел, низину окутывала черная завеса. Из кабины выбрался небоход, прыгнул на широкое крыло, побежал. Солдат-наемник дал короткую очередь.

Летун спрыгнул с крыла, подскочил к «Зебу» и полез на палубу.

Увидев это, я бросился вниз по склону.

Глава 4

Я доставщик, и у меня пистолет

Мы столкнулись в дверях рубки. Худой невысокий парень в тупоносых ботинках, бриджах до колен, короткой куртке и шлеме – все это из грубой рыжей кожи – сунулся туда первым, но я схватил его за плечо и рванул назад. Он выхватил большой револьвер, попытался взвести курок. Я вмазал ему стволом трехлинейки по руке и выбил оружие. Пнув меня острым коленом в живот, летун нагнулся за револьвером и получил стволом по спине. Крутанув ружье, я обрушил приклад на его затылок. Парень выпрямился, пятясь, обратив ко мне смуглое лицо, закрытое большими круглыми очками с выпуклыми стеклами в резиновых ободках, и я еще добавил ему прикладом в живот.

Это решило дело: летун, мелко семена, заваливаясь на спину, пересек треть палубы и свалился посреди нее.

Раскат грома прокатился по низине, и песок у борта «Зеба» взлетел клокочущим желтым фонтаном. Ударная волна больно хлопнула по ушам, самоход качнулся. Ногой зашвырнув револьвер летуна в рубку, я прыгнул следом, рванул рукоять и нажал на педаль.

Самоход покатил к холму. Гусеницы видневшегося в заднем окне танкера утюжили песок, омеговец на башенке стрелял по «Зебу» короткими очередями, а ствол пушки, медленно поднимаясь, глядел точно нам в корму.

Но ведь они только что стреляли, им надо время, чтобы перезарядиться, правильно? Я утопил газ и вывернул штурвал. Зеб, уже достигший склона, накренился на повороте. Вот так! Наемникам легче поднимать, а не поворачивать пушечный ствол – ведь тогда надо развернуть всю башню. Или нет? Я снова оглянулся, врубив второй движок.

Сквозь гул моторов донесся лязг, и башенка пошла вбок вместе со стволом, – но медленнее, чем до того менялся угол его наклона, теперь длинная железная труба не следовала за кормой «Зеба», как привязанная, отставала от нее... Вот так! Самоход, сильно накренившись, катил по нижней части склона, бархан уже почти скрыл танкер – еще немного, и мы очутимся вне досягаемости.

Летун лежал на палубе, омеговец на башне перезаряжал автомат. Из люка высунулся второй, с ружьем. Я отвернулся, крутя штурвал – слишком сильно накренившийся «Зеб» мог перевернуться, пришлось сворачивать.

Мы вползли в седловину между барханами. Сквозь рокот моторов долетел звук выстрела, позади звякнуло стекло, и меня будто молотком ударило в спину, бросив на рулевое колесо. Я распластался на нем, обхватив руками, хребет прошила боль, ноги сделались ватными. Ругаясь, повернул штурвал еще сильнее, потом выровнял машину и выпрямился. Поясница пульсировала болью, колени дрожали. Придерживаясь за колесо одной рукой, я отвел вторую назад, пощупал куртку – порвана, рубаху – порвана, – спину... Дырки нет, хотя, судя по ощущениям, синяк там теперь будь здоров. А ведь он мог мне хребет сломать! Хотя нет, не мог – световая броня переводит энергию выстрела на всю свою поверхность.

Под ногами раздалось негромкое «звук!» – на пол упала сплюснутая пуля. А в заднем окне появилась дыра с паутиной трещин вокруг.

Сквозь шум наших движков гул танкерского мотора был не слышен. В любом случае, догнать они меня не могли – машины у омеговцев тяжелые и с приличной огневой мощностью, их трудно остановить и тем более уничтожить, но двигаются они не слишком быстро.

Я еще трижды поворачивал, зная, что особого смысла в этом нет – «Зеб» оставляет слишком заметный след, который ветер заметет песком не так быстро – и выкатил на каменистую равнину, дальней границей которой служил ряд уродливых низких деревьев. Судя по скорости танкера и расстоянию, которое нас теперь разделяло, он доберется сюда примерно, когда мы

достигнем той рощи. До нее было далековато, с такого расстояния омеговцы не станут стрелять – не добьют. Теперь главное для меня, не снижать скорость.

Я зафиксировал штурвал, потер шею, достал «шершень» из кобуры и вышел наружу.

Небоход вяло шевелился, лежа на спине. На смуглом гладком лбу его была глубокая ссадина, куртка порвалась на плече, левое стекло очков треснуло.

Приставив «шершень» ему между бровями, я сказал:

– Ты следил за мной. Или следила? Сними очки, чтобы я понял, как правильно.

Летун замер. Ветер шевелил выбившуюся из-под шлема черную прядь и поля моей шляпы. «Зеб» слегка покачивался, рокотал двигатель.

– Ты – доставщик, – объявил незваный гость тонким голосом с легкой хрипотцой.

– Я доставщик, и у меня пистолет, – уточнил я, сильнее вжимая стволы ему в лоб.

– Грешно тыкать пистолетом в живого человека.

– А мозги ему разнести?

Он поразмыслил.

– Это еще грешнее. Но из «шершня» вряд ли получится.

– В упор, да из двух стволов? Шутя!

Мы помолчали, разглядывая друг друга.

– Покажи личико, – велел я.

Он медленно поднял руки, взялся за очки и сдвинул их на лоб. Расстегнул ремешок и стащил с головы шлем.

Ветер зашевелил густые черные волосы. Большие, темные, немного раскосые глаза в упор смотрели на меня.

– Ну да, баба, – кивнул я. – Так и знал. Да еще и цыганка.

Она молчала, осторожно трогая плечо, где была порвана куртка.

– Зачем следила за мной? – повторил я.

– Следила? – Девушка пошевелил густыми бровями. – О чем ты? Как следила?

– Через передатчик у меня в трюме. А у тебя в авиетке был приемник.

– Не было там никакого приемника! То есть был, но это для связи с Ульем...

– Ты помощница Богдана? Напарница? Что вы двое затеяли?

– Слушай, доставщик! Поцелуй меня симбиот, я вообще не понимаю, о чем ты толкуешь!

На лице цыганки было такое неподдельное удивление, что я нехотя убрал «шершень».

Ее зрачки вдруг закатились, почти исчезнув из виду, голова склонилась к плечу – девушка свалилась бы обратно на палубу, если бы я не поддержал ее за плечо. Она ухватилась за меня. Слегка привстав, я оглянулся – мы пересекли примерно треть равнины, танкер еще не показался.

– Слушай, а можно мне малеха подлечиться? – спросила цыганка. – А то я башкой сильно трахнулась об фонарь, когда машина упала, лобешник рассадила, да потом ты еще прикладом по затылку, вот спасибо... Есть у тебя, к примеру, змеиное масло? И воск из кактусовых деревьев? Недурно заживляет, если намазать побольше. Я из Гильдии, зовусь Эви. А ты кто такой?

Снова оглянувшись на равнину, я убедился, что погоню не видать, и зашагал в рубку.

Пришлось отдать ей почти весь запас купленных в Рязани бинтов. Разобравшись с ранами, цыган-капилот по имени Эви попросила воды и жадно вылакала целую кружку.

– Доставщик, ты меня не бойся, – сказала она, садясь под ограждением и устало прикрывая глаза. – Я тебе по гроб жизни благодарна, всякое такое... Но сейчас мне передохнуть чуток надо. Плохо мне, башку крутит. Я понимаю, для тебя это все неожиданно, как... как авиетка на голову, но я в себя приду, тогда уж поговорим, заметано? Только ты того... не сбрасывай меня в песок, пока я дрыхнуть буду. И стрелять в меня не надо, слышь? И вот еще что... Я из авиетки захватила – держи. Как знала, что пригодится.

И она снова закрыла глаза.

* * *

Шар из тусклого металла, который Эви достала из сумки на ремне и отдала мне, оказался бомбой, хотя чтобы понять это, пришлось повозиться. Внутри одной полусферы прятался искровой воспламенитель и трубка с гремучей ртутью, вокруг, словно лепестки, овальные стеклянные баллончики. Вторая половинка была заполнена спрессованным тротилом. Надо же, какие штуки в Гильдии делают. Я слышал, что небоходы их с дирижаблей швыряют, чтобы взрывать всякие цели внизу, но не знал, что бомбы еще и горючей смесью заряжают.

Эви пришла в себя, когда я притормозил среди деревьев. Хромая, подковыляла к рубке, увидела бомбу в моих руках и сказала:

– Это ты правильно. Умеешь пользоваться?

Я покачал головой:

– Ни разу не доводилось.

– Так дай я.

Скинув куртку, под которой оказалась короткая черная майка, цыганка потянулась к шару, но я отвел ее руку.

– Эй, да ладно, доставщик, – хмыкнула она. – Нам омеговцев остановить надо, они ж за нами прутся.

– За тобой, а не за нами, – поправил я.

– Ну, вообще-то за мной, но сейчас по следам твоей машины едут. И если я в сторону по-тихому отвалю, то они и не заметят, дальше будут тебя преследовать, пока не догонят. Мне только совесть не позволяет бросить слабого мужчину на произвол судьбы. Давай бомбу.

Отдав ей шар, я вспомнил огромное существо, появившееся как раз перед всей этой заварухой... нет, кажется, оно не связано с авиеткой и омеговцами. Хотя вообще-то делать какие-то выводы рано, надо сначала хорошенько потолковать с цыганкой.

Когда я остановил «Зеба», Эви прыгнула с кормы, присела в колее и стала закапывать бомбу.

Я задумчиво постучал костяшками пальцев по штурвалу. А не врубить ли оба движка, пока она там возится, и не стартануть отсюда на всех порах? Зачем мне сдалась эта цыганка?

Хотя нет, она права: омеговцы сейчас по моему следу идут, то есть по следу «Зеба». Ладно, надо-таки для начала выяснить, что вообще происходит, а уж потом решать, как дальше поступить. Эви тем временем закончила с бомбой и полезла обратно. Я сразу поехал, то и дело выворачивая руль, чтоб не давить деревья. Те, впрочем, оказались необычно гибкие – они словно раздвигались перед острым носом машины, скрипя, елозили по бортам и резко выпрямлялись позади. Ветки дрожали, с них сыпалась чахлая листва.

– Бомба сработает? – сказал я, когда Эви показалась в дверях рубки.

Она кивнула.

– Танкер тяжелый, под гусеницей трубки лопнут, карбид с водой смешается, пламя в запал попадет и...

– Понял, – перебил я, – гремучая ртуть заряд подорвет.

– Доставщик, да ты у нас проницательный, как не знаю кто. Гляди-ка, вечереет уже.

Роцца оказалась небольшой. Когда мы выехали из нее, впереди открылась обширная пустошь, изрезанная трещинами. Над некоторыми поднимались столбы пара, между другими виднелись пологие холмы – конусы холмовейников.

– Вечереет, – повторила цыганка. – Доставщик, ты такой разговорчивый – страсть. Уже я просто-таки устала от твоей болтовни. Как тебя звать-то хоть, скажешь?

– Музыкантом кличут, – ответил я, вглядываясь в унылый пейзаж за лобовым стеклом.

– И куда ты едешь, Музыкант?

Я покосился на нее – Эви стояла в дверях, сложив руки на груди и выставив вперед ногу. В целом она была ничего так девчонкой, с большой грудью, большими глазами и длинными ногами, а что еще можно требовать от женщины? Ну разве что уступчивости, покладистости и чтоб поменьше болтала. С последним, впрочем, у цыганки были явные проблемы.

– Куда ты вообще едешь, Музыкант? – спросила она.

– К Мурому.

Цыганка подождала продолжения, не дождалась и сказала:

– И?..

– Что «и»?

– Эх... – Наслюнив палец, она потеряла вымазанное сажей плечо. – Ну это я как бы намекаю, что ты бы мог еще что-то поведать о себе, поделиться с любопытной девушкой живописными подробностями своей героической карьеры... Не?

Держась за штурвал, я снова повернул к ней голову.

– Я – доставщик. Везу груз на восток. О чем еще говорить?

– Обычный, значит... Вот как-то не похож ты на обычного.

– Почему?

– Ну... – Она пожала плечами. – Морда такая... тонкая. И говоришь как-то умно для простого водилы. Слова складываешь правильно, про гремучую ртуть знаешь.

– Много ты видела в жизни доставщиков?

– Ой, много.

– Где ж ты их видела, в Улье своем?

– Если хочешь знать, у меня папаша доставщиком был. Так куда точно на восток ты направляешься? До Муррома только или дальше...

Сзади рвануло.

– Ага! – Потирая руки, она побежала на корму, и вскоре оттуда донеслось: – Сюда, Музыкант, погляди, хорошо-то как!

Я только успел отпустить штурвал, как она снова появилась в дверях, схватила меня за локоть и потащила за собой.

Над оставшейся далеко позади рощей поднимался дым.

– Это мы их надолго остановили! – обрадовалась Эви, теребя меня за рукав. – Зацени, доставщик, как рвануло, а? Красотень!

– Точно остановили?

– А то! Там же щели, в машине этой, знаешь какие?

– Не знаю. А ты откуда знаешь?

– А нам рассказывали в Гильдии, как омеговские танкеры устроены. Горючка когда в бомбе взрывается, в баллонах там, так взвесь такая огненная пышет... И в танкер она попала наверняка. Омеговцы и погореть могли даже, хотя вряд ли, но обожгло их – точно. Еще задыхаться они начали, потому что оно кислород из кабины высосало. И резиновое если есть у них там что-то, так поплавилось оно. Короче, встали они надолго, а может, и насовсем.

– Взвесь, кислород... – проворчал я. – Откуда вообще такие слова знаешь? В Гильдии им учат?

– Ну да, – подтвердила она.

– Как цыганка в Гильдию попала?

– У-у... – протянула Эви. – Это история всей моей жизни.

– Ну так рассказывай.

– Че, все рассказать?

– Давай-давай, чтоб я знал, выбросить тебя отсюда или просто пристрелить.

– Какой ты грозный! – хохотнула Эви, ничуть не испугавшись. – Только рассказывать долго, а вон уже почти стемнело. Танкер теперь нас не догонит, потому можем остановиться на

ночлег. Только мне еще подлечиться надо или хотя б просто на палубе твоей полежать малеха, оклематься, а то слабость какая-то. Да, и есть у тебя чего бухнуть?

* * *

Солнце сползло к горизонту, вокруг протянулись длинные тени. Заглушив двигатель, я с трехлинейкой в руках выбрался на крышу рубки и осмотрелся. Барханы исчезли, Рязань остался далеко позади, вокруг в тиши лежали пустынные земли: бесконечные пологие холмы, заросшие травой и колючим кустарником, однообразные, как жизнь отшельника в киевских катакомбах. Лишь далеко-далеко в западной стороне, на фоне коснувшегося горизонта розового шара дрожали в мареве темные силуэты строений.

На вершине соседнего холма показалось семейство пылевых сурков, они вытянулись на задних лапах и замерли, прижав передние к тощим брюшкам. Усатые морды с черными носами-пуговками казались воплощением глупости. Я достал гармошку – сурки мгновенно исчезли – и сыграл короткий мотив, в который постарался вложить свое ощущение от этого теплого вечера посреди молчаливого безлюдья.

– Музыка – хорошо, – произнес голос внизу. – Люблю искусство, особенно когда громко. Я глянул вниз. Эви стояла возле рубки – босая, в закатанных до колен штанах.

– Но стреляю я лучше, чем играю.

– А готовить умеешь?

– Умею.

– Ну ваще на все руки мастер. Так сготовь нам что-то, жрать охота, а? Какой-нибудь, будем говорить, пицци... Я ж с утра не ела, с тех пор как из Улья вылетела.

Я сел на краю рубки, свесив ноги, и сказал:

– Можно так: я даю еду, ты готовишь. Мы едим, ты чистишь миски и рассказываешь о себе.

– Не... – покачала она головой. – Если я готовлю и рассказываю, так чистишь ты.

– Не забудь, что еда моя, как и самоход, – напомнил я. – Потому миски чистишь ты.

Мы быстро поели, и пока я раскуривал трубку, цыганка, успевшая выскрести посуду пучком травы с песком, приготовила полоску бумаги. Вытащила из кармана бархатный мешочек, развязала, достала щепотку табака, огниво и стала со знанием дела мастырить самокрутку.

– Эй, доставщик... – присев под палубной оградой, она пустила в мою сторону клуб дыма. – Хочешь узнать, че в последние дни было, или историю моей жизни?

Я пожал плечами.

– А она длинная?

– Не очень. Но, будем говорить, насыщенная.

Усевшись в кресле-качалке, я огляделся. Солнце почти опустилось за горизонт, скоро пора на боковую.

Приняв молчание за согласие, Эви отхлебнула настойки из горлышка, крякнула, запила пивом, глубоко затянулась и сказала:

– Папаша мой навроде тебя – доставщиком был. Из-за этого я некоторую эту... духовную связь с тобой ощущаю. Но только духовную, не половую, понял? Хотя ты ж сам по себе, с разными караванами разъезжаешь, да? А папаша в «Вооруженных Курьерах Дядюшки Стерха» состоял. Он не цыган, обычный, а вот мамаша навроде такая же... – Эви провела тонкими пальцами с грязными ногтями по скуле. – Смуглой была, чернявой. Цыганкой, короче. Но я ее не помню, она папашу бросила и с каким-то москвичом в Лужники подалась. А батя меня с детства на своем самоходе катал. У него самоход не такой здоровый был, как у тебя, но быстроходный и с прицепом. Он в прицепе грузы возил, когда надо, но больше любил скорые доставки, какую-то почту, бандероли или там пассажиров...

– Никогда не брал к себе пассажиров, – проворчал я. – Ты первая. Но и с тобой мы скоро расстанемся.

– Это ладно, – согласилась Эви. – Ты слушай, слушай, чего я рассказываю.

Она еще раз приложила к бутылке. Кажется, настойка хорошо влияла на разговорчивость цыганки, и без того немаленькую.

– Так вот, катались мы с ним вместе, машина мне с детства родным домом была. Катались, пока я двенадцатый праздник Зачинщика Прилепы не отметила. Уже папаша меня почти всем премудростям доставщика выучил... и тут не сvezло, напали на нас. Батя важную бандероль вез, он за этот заказ боролся, чтоб ему дали. Запчасти для небоходов, новый пропеллер экспериментальный с четырьмя лопастями. Из самого Харькова, там эти детали по заказу летунов в одном оружейном Цехе сделали. Прикидываешь, какое важное дело? – Эви затянулась и выдохнула дым чередой маленьких колечек. – Но не довезли мы груз. Потом-то я поняла: это все подстава была. Оружейники сами и наняли тех бандюков, чтобы вернуть то, что для небоходов сделали, да еще и страховку получить. Ведь Стерх свои грузы страхует, ты знаешь. Мы без охраны ехали – так быстрее, да и надежнее, когда никто, кроме тебя, маршрута не знает.

В общем, папашу убили, груз забрали, самоход взорвали, меня чуть не грохнули, еле сбежала. В нору сурковую залезла, прикидываешь? Я тогда совсем худышка была, тонкая. Бандиты уехали, а я больше декады по пескам брела. На ферме ночевала в сарае, в поселке брошенном, потом в городок попала какой-то старательский, своровала там початок кукурузный, меня поймали, чуть не прибили, заперли в конюшне избитую. Но я прорыла дыру в слежавшемся сене, которое там вместо пола было в стойле, да и обратно сбежала. В конце концов добрела до базы Стерха. Он на западе киевских угодий живет. Ну вот, он самолично меня выслушал... Я ему все рассказала, Стерх своего лекаря позвал, раны замазали, накормили, и потом вырубилась я. Одно лекарство зельем оказалось сонным. Утром просыпаюсь связанной. В общем, Стерх решил, что я должна того... покрыть, будем говорить, хоть как-то его потери от этого дела. И он меня на нефтяную вышку продал.

Я покачивался в кресле, внимательно слушая. Эви отставила настойку и взялась за пиво. Выпить она явно была не дура, да и подзакусить тоже – мои запасы изрядно уменьшились этим вечером. Хлебнув пива, затянувшись и стряхнув пепел на палубу, цыганка продолжала:

– На вышке плохо совсем было. Их если москвичи держат – те хоть как-то за здоровьем рабов своих следят, но эта какого-то богатея с-под Херсона-Града оказалась. Слышал про Херсон-Град? Есть вроде такой ростовщический городишка где-то на юге... Короче, мерли работнички как клопы, а хозяин новых по дешевке покупал у кетчеров. На него аж три банды работало в Пустоши, людей крали. Но не только людей, мы там вместе с мутантами были. Антропами, вроде тех, которых монахи на крестах своих вешают... Там-то я с ними и сошлась, с мутантами, и поняла тогда, что они ничем от людей не отличны. Ну кроме вида внешнего. В общем, на вышке жизни никакой, сплошное умирание. И подняли мы там бунт. Бунтовщиков охрана перебила, почти всех, а я сбежала. Вот так вот.

Она швырнула окурок, тот перелетел через ограду, прочертив в воздухе алую дугу.

– Ну и дальше что? – спросил я.

– А че... Бродила долго. Будем говорить, скиталась. Батрачила на одной ферме, потом на другой, потом еще всякое... В общем, к банде прибилась. Банда Заги-Головатого, слышал про такого?

Я покачал головой.

– Че, правда не слышал? Они в этих местах кантуются, через которые мы сейчас едем. До сих пор здесь вроде. Зага – гад редкостный, садист, живодер конченный. Я с ними два сезона почти пробыла, потом мы экипаж авиетки одной убили, которая тут неподалеку между холмов села на вынужденную. Убили, забрали оружие их, рацию и пошли к схрону банды, который

на старом полустанке заброшенном. Как вдруг за нами небоходы летят! Прямо дирижабль, прикинь, Музыкантик? Большой... опустился, с него десант на канатах.

– Летуны за своих стараются мстить, обид не прощают, чтоб банды их боялись, – заметил я.

– Во-во. Короче, мы ходу... но меня ранили. В ногу. – Эви похлопала по левой лодыжке. – Ну и я идти после того, конечно, толком не могла, тем более – бежать, а мы тогда ох как бежали! И Головатый, сука такая, меня бросил! Да не просто бросил – пристрелить меня собрался, чтоб я небоходам схрон банды не выдала. Но уже как раз стемнело, и я от него в песок... уползла, короче. Кетчеры мои дальше чухнули, а меня небоходы нашли. И меня, и потом еще двоих из банды, которых Головатый, оказывается, оставил чуть позже отход других прикрывать. Их обоим небоходы ранили в перестрелке, а после скрутили. А остальные кетчеры смотались, их так и не нашли, а нас троих решили прямо на месте убить. Как раз сезон Большого солнца был и...

– Они вас налысо побрили, связали и в песок закопали, чтоб только головы торчали, – перебил я.

– Точно! А ты откуда знаешь?

Эви подалась вперед, глаза ее блестели, кулаки были сжаты – она будто заново переживала все те события. Эмоциональная девчонка, отметил я, и сказал:

– Слышал про этот их... обычай. Они его у мутантов переняли, у антропов. Те, если поймают монаха какого, закапывают его в пустоши, и чтоб солнце ему лысину пекло. Монахи мутантов на крестах вешают, мутанты монахов закапывают... так и живем.

– Ага, доставщик, тут ты прав: в этом философия всей нашей жизни. Ну вот, короче, обстригли нас и в песок. Ну и я струхнула, конечно, совсем... Жить, можно сказать, только заново начала, после рабства и злоключений всяких – помирать, жалко же! То есть себя жалко... А уже солнце поднялось, башку печет, та раскалилась, как сковородка на огне, из-за того в нее всякие мысли дурацкие лезут, бред всякий. Торчим мы в общем трое из песка, как поплавки, а небоходы вокруг стоят, причем под зонтиками, ждут, когда дирижабль за ними прилетит. Он уже подлетает, низко так... А у меня в голове совсем все сдвинулось от солнца. Чудится, что не дирижабль это летит, а самоход папаши моего едет, и что в нем будто бы сам папаша да с тем грузом, из-за которого его ухлопали. Везет его и со мной говорит, закопанной в песок, причем почему-то не удивляется, что я там. Болтает он о чем-то, а я понимаю: надо его предупредить, чтоб не убили же его... И начинаю с ним разговаривать. Предупреждать насчет груза, насчет предательства Цехов...

Эви смолкла, запрокинув голову, уставилась в темное небо. Я огляделся, сообразив, что пока она болтала, наступила ночь. Пора ложиться спать, день был долгий.

– Дальше что? – спросил я.

Вздвигнув, она опомнилась, глянула на меня.

– Да что... очнулась уже на дирижабле. Небоходы, услышав мой бред, заинтересовались, о чем это я. Взяли меня на борт. Как я оклемалась чуток, явился ко мне капитан, я ему все обсказала досконально, всю ту историю, про предательство оружейников, что это они себе груз вернуть таким путем хотели... Он покивал задумчиво и ушел. А потом...

– Стой! – удивился я. – Хочешь сказать, после того Вторая городская война в Харькове началась? Когда небоходы на оружейников поперли и три Цеха разбомбили?

– Точно. А меня летуны к себе взяли в Улей. Училась в их школе, присягу потом дала ну и стала сначала механиком, потом навигатором на дирижабле, после младшим пилотом, а теперь вот и...

Эви широко зевнула.

– Давай, что ли, спать, доставщик? Или хочешь меня с машины своей все же прогнать? Я встал.

– Ты можешь остаться пока, но только если расскажешь сейчас, куда летела и почему за тобой омеговцы гнались. Так расскажешь, что я тебе поверю.

Эви развела руками.

– Меня в Арзамас послали. В Улье узнали, что отношения между Замком Омега и Меха-Корпом обострились... А расстояние же большое, радиосвязь в Пустоши так далеко не действует из-за радиационных пятен и других аномалий. И я вроде как с визитом отправилась, чтобы узнать, не требуется ли Корпорации помощь Гильдии.

– Так что, омеговцы тебя подстерегали, что ли?

– Вот этого не знаю. Да нет, вряд ли. Хотя... не знаю, доставщик. Но они из пулемета меня сначала обстреляли, дыр в авиетке наделали, а потом из пушки своей попали. Так вот.

Я встал, повернулся кругом, прикидывая направление, и сказал:

– Врешь, Эви. Это ехать в Пустоши придется зигзагами из-за гейзеров и других опасных вещей, а лететь-то по прямой можно.

– Ну так что? – не поняла она, тоже поднимаясь.

– Да то, что это место не лежит на прямой между Минском и Арзамасом. Мы ж к Мурому приближаемся, а он севернее. Врешь!

Она покачала головой:

– Не вру. Просто, говорю же, где в этих местах банда Заги-Головатого обретается. И я... ну, свернула как бы слегка с курса, чтоб тут полетать. У меня ж пулемет на авиетке, так я б по ним сверху... У меня, понимаешь, до сих пор на тех кетчеров, а особенно на Головатого, обидка. Обида, будем говорить – обидища!

– Так если ты не напрямиком в Арзамас летела, то как омеговцы тебя стеречь могли? Откуда они знали, что ты здесь летать станешь?

Эви пошевелила бровями.

– Правду говоришь, доставщик! Ниоткуда, выходит... И я вот что еще тебе скажу: я, когда только к этому району подлетала, так видела две омеговские бригады, которые с разных сторон примерно в одном направлении двигались.

– К Арзамасу? – насторожился я.

– Ну, вроде как да... Хотя нет, скорее – к Мурому. Да, точно, к нему. А этот танкер... Вот я еще подумала: ведь в омеговских бригадах не бывает, чтоб только по одному танкеру. Они либо по два ездят минимум, либо если один все же – так с ним завсегда две-три машины прикрытия. Ну, такие, быстрые... Танкер, стало быть, мощный, но медлительный, а те более уязвимые, но верткие очень. И где они? Не видать почему-то. Ладно, доставщик, это все лирика. Ты скажи, что мы с тобой дальше делать будем?

Я ответил, спускаясь в люк:

– Мы с тобой – ничего. Я буду спать в рубке, ты на палубе. А утром иди куда хочешь.

Глава 5

Омеговцы & кетчеры

Стук по стеклу вырвал меня из сна. Лежавшая на груди трехлинейка покатила по полу, когда я сел, сбросив одеяло. Схватил со стула «шершень», вскочил и направил пистолет в цыганку, маячившую за окном рубки.

Стояла глубокая ночь, на палубе в плошке горела лучина, которую я оставил Эви. Не до конца доверяя ей, я заперся в рубке, сложив там все имеющееся на борту оружие, и предупредил, что если она попытается залезть внутрь – пристрелю. Люки задраил, навесил замки, как делаю всегда, если приезжаю в незнакомое место и вынужден на некоторое время оставить «Зеба». В распоряжении непрошеной гостьи были палуба, два одеяла и кресло-качалка.

Я едва не выстрелил. Палец почти вдавил спусковой крючок, когда до затуманенного сознания дошел наконец смысл слов, которые произносила Эви:

– Огни. Слышь, Музыкант, огни там. Двигутся. И ревет...

Снаружи доносился приглушенный шум. Я моргнул, протер глаза. Эви стояла за лобовым стеклом рубки и вломиться внутрь не пыталась.

– Вставай, говорю! Прикинь, че это так шуметь может в Пустоши ночью?

Почесав стволом лоб, я снял со штурвала ремень с кобурами. Повесив «шершни» на правый бок, а винтовку на плечо, отпер дверь рубки и вышел.

Шум стал громче.

– Вон, глянь, – она показала на восток. – Я пойду проверю.

Не дожидаясь ответа, цыганка прыгнула в песок, а я встал у ограждения. За холмами пульсировал свет, лучи фар двигались, то взлетали к черному небу, то упирались в склоны, световое облако разрасталось и съеживалось, будто дышало. Донеслись звуки выстрелов, потом дробный грохот. Я переступил с ноги на ногу. Так могло грохотать только одно оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.